

ние. При этом он просил перевести ремесленную школу из Петропавловской гавани в Мильково, где Кегель мог бы иметь за нею присмотр, потому что она, по словам Кегеля, доведена была до упадка.

К счастью Страннолюбского, прибыл в Иркутск для ревизии сенатор граф Толстой, который дело это передал на рассмотрение командированным от него в Камчатку и Охотский край для ревизии чиновникам князю Львову и Булычеву. Чиновники эти нашли, что наветы Кегеля на Страннолюбского несправедливы, и что последний пользуется от всех уважением и не подал никаких причин к каким-либо нареканиям, и, наконец, что все действия Страннолюбского клонятся к пользе края. Что же касается до Кегеля, то они нашли его вовсе бесполезным для Камчатки и потому разрешили Страннолюбскому отправить его в Охотск.

Все труды Кегеля ограничились посевом хлеба в Щапинском и Толбачинском селениях, тогда как он во всех немецких и русских газетах приписывал себе честь разведения в Камчатке картофеля.

По прибытии в Камчатку Страннолюбского, там было одно только училище, которое содержалось за счет духовного ведомства. В нем обучалось 25 учеников духовного сословия и 10 камчадалов. Дети же нижних чинов и разночинцев оставлены были без всякого призрения и целые дни проводили на улицах. Страннолюбский заставил их ходить в учрежденную им школу, в которой безвозмездно обучали грамоте и арифметике морские офицеры, а закону Божию — местный протоиерей. К этому времени вышло распоряжение об учреждении сельских школ, и потому при всех приходах были открыты священниками новые рассадники грамотности.

В декабре 1840 г. Страннолюбский входил с представлением к начальнику главного морского штаба о соединении заведенной им школы с ремесленной. По его проекту ученики школы должны были жить у своих родителей, получая только казенное обмундирование. Расходы же на покрытие предстоящих издержек на содержание школы предполагал относить на счет 2 075 руб., ассигнуемых на ремесленную школу, и на процент с капитала бывшей сельскохозяйственной компании. Морское министерство входило по этому предмету в сношение с министром государственных имуществ, который нашел соединение школ возможным только в таком случае, если воспитанники школы по окончании курса наук будут употреблены для пользы камчатских жителей, а не для военной службы.

Мнение это было сообщено Страннолюбскому, который 29 мая 1843 г. сообщил инспекторскому департаменту, что занятия учеников ремесленной школы, по невозможности заведения в Камчатке хлебопашества, ограничиваются разведением огородных овощей и изучением мастерств: бочарного, столярного, слесарного и кузнечного. Для обучения же грамоте школа не имеет своих учителей, и ученики ея для этой цели ходят в школу кантонистов. При

этом Страннолюбский представил штат школы кантонистов морского ведомства на 40 учеников, прося его утверждения. Но дело это оставлено было без всяких последствий, и возобновил его камчатский военный губернатор капитан 1-го ранга Завойко.

В 1840 г. на английском купеческом судне было доставлено в Камчатку 6 человек японцев, потерпевших крушение. Страннолюбский донес об этом в Петербург, и в 1841 г. последовало Высочайшее повеление об отправлении их на родину на судне Российско-Американской К^о, причем предписывалось не входить ни в какие официальные сношения, а высадить только японцев, где пожелают.

В 1843 г. японцы эти были отправлены в Ситху, и в том же году на бриге «Промысел» под командою штурмана Гаврилова были отправлены в Японию. 3-го июня Гаврилов прибыл к острову Матсмаю, где и высадил японцев. При появлении русских жители разбежались, и привезенные ими японцы просили взять их обратно на судно. На другой день показалось японское судно, за которым Гаврилов погнался, чтобы высадить на него японцев; но не мог догнать и 8 июня сдал их на о-в Итуруп (еще в 1836 г. компанейский бриг *Уналашка* под командою подпоручика Орлова был на Матсмае для доставления 4 японцев, где встречен был неприязненно и принужден был высадить японцев на Итурупе. — *Авт.*).

6-го мая 1841 г. было сильное землетрясение в Камчатке, которое в особенности было ощутительно в Петропавловской гавани и ее окрестностях. После того землетрясение продолжалось с меньшею силою до октября месяца.

20 октября 1841 г. прибыл в Петропавловский порт из Кронштадта с разными грузами транспорт «Або» под командою капитан-лейтенанта Юнкера. По сдаче здесь груза он 24 ноября, прорубившись сквозь устье Авачинской губы, покрытой льдами, ушел в Кронштадт.

В 1837 г. американец Томсон предложил свои услуги снабжать ежегодно наши приморские владения на Восточном океане провиантом по умеренным ценам. Но министр финансов 5-го января 1838 г. сообщил генерал-губернатору, что неудобно в таком важном деле доверяться одному лицу, тем более что даже Российско-Американская К^о, на которую несколько более можно положиться, отказалась от этой операции, не надеясь выполнять ее ежегодно. При этом министр финансов присовокупил, что если кто из иностранцев без всяких условий, за сходную цену доставит провиант в Камчатку, то не препятствовать принимать его на счет будущих посылок из Якутска.

В 1841 г. был значительный недостаток провианта в Камчатке, так что Страннолюбский вынужденным нашелся купить в лавке Российско-Американской К^о, которая в это время возобновила свою торговлю в Камчатке, 500 пуд. пшеничной муки, которую и выдавал вместо ржаной. Случай этот

подал Страннолюбскому повод к новому ходатайству о заграничной доставке провианта. Но на представление это не было получено никакого ответа.

Наконец в 1843 г., по случаю сделанного негоциантом Северо-Американских Штатов Бордманом морскому министерству предложения доставлять в Петропавловскую гавань все продовольственные припасы по выгодным для казны ценам, учрежден был при морском министерстве особый комитет для рассмотрения этого вопроса. Комитет постановил спросить, прежде всего, Российско-Американскую Компанию, не возьмется ли она доставлять продовольствие в Камчатку? Компания на предложение это представила следующие условия: 1) Компания соглашается снабжать Петропавловский порт продовольственными предметами *без всяких за то вознаграждений*, кроме платы за продукты; 2) Принимает также на себя снабжение Ижиги и Тигиля, а также перевозку почт, пассажиров и купеческие клади из Охотска в Петропавловскую гавань и обратно.

Но как для этого компании необходимо будет завести в Охотском море по крайней мере два небольших судна, поднимающих до 5 000 пуд. груза, то ей необходимо особенное единовременное пособие в 57 714 руб. на заведение этих судов. Кроме того, ежегодно отпускать по 30 342 руб. на содержание экипажей, ремонт и проч. и предоставить ей право через каждые 5 лет вызывать из Балтийского флота для службы в компании по 400 человек матросов. И затем компания будет перевозить пассажиров и купеческую кладь на тех же условиях, какие существуют ныне на казенных транспортах. «И это называется *без всяких вознаграждений*».

Комитет все эти условия нашел выгодными для казны, кроме перевозки клади и пассажиров и доставки провианта в Ижигу и Тигиль, что положено по-прежнему оставить на обязанности казны. Но в это время компания вспомнила, что срок беспощинной иностранной торговли в Камчатке (которая очень не нравилась ей) должен кончиться 6 августа 1845 г. и, вероятно, полагая, что дело это не обойдется без ее участия, вздумала воспользоваться удобным случаем, чтобы выговорить еще одно условие — запрещение иностранной беспощинной торговли в Камчатке, предоставив это право одной компании.

Генерал-губернатор Руперт соглашался даже и на это последнее условие. Но министерство финансов взглянуло на это дело иначе и нашло, что предоставление компании исключительного права торговли в Камчатке положительно вредно во многих отношениях, тем более что это было бы противно и с заключенными с Англию и Соединенными Штатами условиями. Таким образом, предложения компании были отвергнуты, и министр внутренних дел на основании представления Страннолюбского исходатайствовал 20 июня 1844 г. продолжение беспощинной торговли в Камчатке до 6 августа 1850 г.

15 декабря 1840 г. открыта камчатская епархия, в состав которой вошли: колонии Российско-Американской Компании, Камчатка, Охотский край

с Ижигинским округом, Удский острог, а через 10 лет и Якутская область. Первым епископом был нынешний московский митрополит Иннокентий, именовавшийся Камчатским, Курильским и Алеутским. Главное местопребывание епископу назначено в Новоархангельске.

19 августа 1842 года архипастырь прибыл в Петропавловскую гавань, откуда объехал весь полуостров и во всех церквях совершал литургии. С открытием в 1844 г. семинарии в Новоархангельске камчатское духовное училище было упразднено.

Страннолюбский весьма деятельно занялся устройством Петропавловского порта. Он застал все казенные здания порта в разрушенном виде. Они обыкновенно строились из тополевого и ветлового леса, растущего в окрестностях порта. Непрочность этого леса заставила его доставлять для построек лиственничный лес за 700 верст с устья р. Камчатки. Несмотря на трудности его доставки на транспортном судне, которое в течение лета успевало сделать не более 3 рейсов и доставить до 300 бревен, Страннолюбский выстроил из лиственничного леса все необходимые здания. Укрепил порт четырьмя батареями и вообще завел в нем порядок и чистоту.

Возбужденный при Шахове Российско-Американской К^о вопрос о бобровом промысле в Камчатке был передан Рупертом на рассмотрение капитан-лейтенанта Васильева, который донес Руперту, что он не видит причин препятствовать ей в этом деле, а потому компания и получила на это разрешение и начала промысел в 1840 г. Бобры обитают в Камчатке по всему восточному берегу между Лопаткою и Камчатским носом. Прибрежные жители добывают их в незначительном количестве, так, например, в 1837 г. осенью поймали двух бобров и зимою застрелили двух. Летом они обыкновенно ловят их сетями, поставленными на отмелях между камнями, куда выходят бобры питаться морскою капустою и отдыхать. Но при таком способе промысла нередко случалось, что по причине сильного ветра и буруна камчадалам в течение месяца нельзя было выходить в море для осмотра сетей на своих долбленых ботах, а, кроме того, сети путались от буруна. Компания для этой цели назначила бриг *Промысел* и в течение года приобрела 30 бобров. Но через два года бросила это дело, не приносящее ей никакого дохода.

Командированные в Камчатку для ревизии чиновники князь Львов и Булычев по окончании возложенного на них поручения представили сенатору графу Толстому следующие замечания:

«В Камчатке с давняго времени появилась заразительная болезнь — *камчатская проказа*, проявляющаяся в наружных пятнах, бугорчатых опухолях и язвах. Но как подверженные этой болезни доживают до глубокой старости и могут заниматься домашними работами, то Страннолюбский всех таких больных, коих оказалось 14 человек, поселил в 30 верстах от гавани на Дальнем озере, поручив их надзору медика, и заставил заниматься рыбною лов-

лею. Причину этой болезни приписывают употреблению морской рыбы, в особенности же свежей. Находящаяся в 150 верстах от Петропавловского порта Мильковская больница и в 30 верстах от гавани ванны на Паратунских клочах — разрушились».

Граф же Толстой в отчете своем о Камчатке, между прочим, упомянул, что управление Страннолюбского Камчаткою вообще сопровождалось полезными для того края предприятиями и оставило в местных жителях память о его попечении и добродушии.

Страннолюбский по собственному желанию был переведен в Балтийский флот, а вместо него 7 февраля 1845 г. был назначен капитан 2-го ранга Машин, который прибыл в Камчатку 21 августа 1845 г. (при Страннолюбском 30 октября 1843 г. разрешено иметь постоянного лоцмана в Нижнекамчатске с производством ему от казны провианта. — *Авт.*).

15 мая 1845 г. прибыл из Кронштадта в Петропавловскую гавань транспорт «Иртыш», назначенный в Охотскую флотилию, под командою капитана Вонлярлярского. Транспорт этот по сдаче груза ушел в Охотск. «Иртыш» вышел из Кронштадта 14 октября 1843 г., следовательно, пробыл в пути более 1½ года.

В том же 1845 г. казенный транспорт «Ижига» потерпел крушение при входе в Авачинскую губу.

Капитан Машин по принятии должности отправился обозрывать полуостров, чтобы лично ознакомиться с нуждами жителей. Он нашел, что почти все камчадалы, за исключением немногих северных, завели огороды, а некоторые и рогатый скот.

Жители же селений, расположенных между Верхнекамчатским и Ключевским, занимались хлебопашеством, и в 1845 г. было посеяно ими до 25 четвертей ячменя. На камчадалское хлебопашество капитан Машин не рассчитывал, подобно некоторым своим предшественникам. Столетние опыты доказали совершенную его невозможность в Камчатке, как в стране, где снег лежит почти 8 месяцев в году и случаются морозы в то время, когда хлеб цветет. Огородничество же было при нем в отличном состоянии. В 1845 г. на 648 огородах собрано 18 000 пуд. одного картофеля.

16 апреля 1834 г. Государь Император утвердил мнение особого комитета, рассматривавшего вопрос об обеспечении на будущее время нашей кяхтинской торговли, о посылке одного корвета и транспорта из Черного моря в Восточный океан под начальством контр-адмирала Пуятина. Главнейшее его поручение заключалось в собрании в китайских портах необходимых для нас сведений по части торговой и заведении торговых связей с Китаем и Японией. Кроме того, ему поручалось: осмотреть внимательно восточный берег Охотского моря, северную оконечность Сахалина, губу, образуемую этою оконечностию и материком, и устье Амура.

Главному командиру Черноморского флота предписано было изготовить к октябрю 1843 г. корвет «Менелай» и один из благонадежных транспортов. Но в августе месяце министр финансов доложил Государю Императору, что экспедиция эта, требующая от 250 до 430 тысяч сверхсметных расходов, может повредить нашей сухопутной торговле с Китаем, почему Государь и приказал отложить ее на неопределенное время.

В 1843 г. командир брига «Охотск» капитан-лейтенант Транковский донес начальнику Охотского порта, что во время его зимовки в Ижиге приходившие туда чукчи объявили ему, что в последнее время стали показываться у устья р. Анадыра какие-то иностранные суда для торговли с чукчами, и что на самом устье реки построена ими небольшая крепостца с несколькими орудиями, при которой поселено 12 человек иностранцев с женами.

Генерал-губернатор донес об этих слухах министру внутренних дел, который 21 января 1845 года предложил ему для собрания более верных сведений о действии иностранцев на реке Анадыре снарядить туда экспедицию на счет сумм иркутской казенной палаты. Генерал-губернатор Руперт 5 июля 1845 г. предписал начальнику Охотского порта послать туда двух офицеров с приличным числом нижних чинов сухим путем из Ижиги. При этом по распоряжению Руперта были высланы в Охотск табак, иглы и другие вещи для подарков инородцам. Но вновь поступивший начальником Охотского порта капитан Вонлярлярский донес генерал-губернатору, что в Охотске нет ни одного судна для доставления экспедиции в Ижигу. При этом Вонлярлярский представил Руперту по поводу этой экспедиции следующие свои сообщения: «Экспедиция эта не только затруднительна, но даже невозможна по трудности сообщения Ижиги с р. Анадыром. Хотя в старину ижигинские казаки довольно часто посещали р. Анадыр; но это делалось при содействии коряк, сопровождавших казаков со своими табунами оленей. В настоящее же время, по случаю удаления коряк от места их прежних жительство и уменьшения у них оленей, не только сделалось затруднительным сообщение Ижиги с Анадыром, но даже и Камчатки с Охотском. Капитан Рикорд чуть не погиб при выезде из Камчатки, потому что коряки не хотели его везти, а обозревавший Камчатский край капитан-лейтенант Васильев не нашел вовсе коряк на прежнем их месте жительства и принужден был отыскивать их по следу.

Если только отправить экспедицию на собаках, то нельзя рассчитывать, когда она вернется, потому что на этом пути бывают пурги по две и по три недели, после которых необходимо на лыжах прокладывать дорогу для собак, выбегающих при худших обстоятельствах только от 5 до 10 верст в сутки. К тому же на 5 человек с провизиею на два месяца необходимо иметь 11-ть нартов, да для корму собак 43 нарты, для чего потребуется 648 собак и 54 каюра (каюр необходим при каждой нарте собак. От этого слова происходит глагол *каюрить* — править собаками. — Авт.). Но таких перевозочных средств не мо-

жет дать Ижига; да если бы средства эти и нашлись, то на одни прогоны пришлось бы употребить 4 860 руб., не говоря уже о том, что 12-ть человек не принесут никакой пользы делу, если действительно найдут там укрепления. Поэтому я полагал бы отправить экспедицию морем».

Руперт препроводил это донесение министру внутренних дел, который 5-го февраля 1846 г. сообщил ему, что Российско-Американская К^о приняла на себя снаряжение к устью Анадыра экспедиции, а потому прежнее распоряжение по этому предмету просил оставить без последствий.

Компания в том же 1846 г. снарядила к устью Анадыра экспедицию на байдарках под командою вольного шхипера Клиноквострема. Экспедиция эта открыла в 20 милях к востоку от устья Анадыра удобный для якорной стоянки залив, названный именем начальника экспедиции; осмотрела устье р. Анадыра; но не нашла там никаких укреплений. В 1848 г. главный правитель колоний капитан Тебеньков отправил для продолжения описи устья р. Анадыра два брига: «Охотск» и «Камчатка» под начальством капитана 2-го ранга Зарембо. Посланные с бригаом гребные суда исследовали лиман и течение реки на 54 мили; но и этот раз не встретили иностранцев.

Анадырский лиман оказался большею частью судоходным. Он образует обширную гавань. Устье р. Анадыра мелководно. По берегам его расположено 13 селений чукоч.

Кроме того, экспедиция открыла и описала еще один залив между заливом Клиноквострем и устьем Анадыра, названный заливом Св. Николая. Залив этот представляет удобное и безопасное убежище для судов.

Хотя анадырская экспедиция и не подтвердила слухов о присутствии на устье р. Анадыра иностранцев; но, тем не менее, слухи эти имели некоторое основание. Китобойные американские суда ежегодно посещали Чукотскую землю, занимаясь китовым промыслом около северо-восточных берегов Азии.

В 1846 и 1847 гг. до 20-ти китобойных судов посетили Петропавловскую гавань, и команда их бесчинствовала и буйствовала на берегу. Капитан Машин просил генерал-губернатора в отвращение их самовольства разрешить ему: осматривать судовые паспорта; делать медицинский осмотр командам; запретить съезжать на берег ранее утренней и позже вечерней зари; беглых с судов употреблять в работы до сдачи их на суда той нации, к которой они принадлежат; содержать буйных в тюрьме; не позволять приставать к берегу в окрестностях порта; не позволять на рейде производить пушечную пальбу и т. д. Но дело это до самого выезда капитана Машина из Камчатки осталось не разрешенным.

Вековое спокойствие Охотского и Берингова морей до тридцатых годов нынешнего столетия не было еще нарушено китобоями, и богатство этих морей, принадлежавшее по всем правам русским, не обратило на себя нашего внимания, и оно сделалось достоянием иностранцев, которые с тридца-

тых годов начали преследовать китов и в наших морях. Но в Тихом океане после Нанкинского мира, заключенного между Англией и Китаем 29 августа 1842 г., по которому открыт был доступ европейским судам в китайские порты, в 1846 г. уже до 500 американских судов занимались китовым промыслом в Беринговом и Охотском морях, а в 1848 г. американское судно *Superior* прошло через Берингов пролив в Ледовитое море и в несколько дней приобрело полный груз китового жира. В 1849 г. по следам его пустились туда 154 судна. В эти последние два года выручено американцами за китовый жир, приобретенный в прилежащих к нашим владениям морях, 17 412 453 доллара! — цифра почтенная, которая должна служить упреком Российско-Американской К°, смотревшей с редким хладнокровием на такой легкий способ обогащения иностранцев и не желавшей или не умевшей взяться за это выгодное предприятие. Весь китовый промысел компании ограничился дохлыми китами, случайно выброшенными на берег. Правда, компания приняла в этом деле, как мы увидим ниже, некоторое участие, но уже в то время, когда иностранцы успели истребить китов в Восточном океане до такой степени, что китобойные суда иногда в три года не могли приобрести полного груза... Но возвратимся к событиям сороковых годов.

Со времени открытия русскими плавания в Камчатке, там вместо маяков жгли костры. Городничий Воеводский распорядился, чтобы в Тигиле, Нижнекамчатске, Большерецке и Петропавловской гавани были сделаны для маяков треугольные срубы, обращенные одним углом к морю с двумя прорубленными окнами, в которые за неимением стекол вставлялись выделанные нерпичьи шкуры или пузыри. Освещение же продолжали делать дровами с салом или рыбьим жиром. Шмалев в 1792 г. вставил в окна стекла. Но, не находя удобным такое освещение, приказал уничтожить срубы и жечь по-прежнему большие костры.

Капитан Машин первый из камчатских начальников поднял вопрос об устройстве в Петропавловской гавани настоящего маяка. На основании его ходатайства морское министерство в 1849 г. выслало из Кронштадта в Камчатку осветительный аппарат, и 1-го июля 1850 г. был уже в действии новый маяк на Дальнем мысу вышиною от горизонта воды 450 фут.

16-го декабря 1846 г. Высочайше утверждено мнение государственного совета о взимании платы за перевозку пассажиров и клади из одних сибирских портов в другие.

В главнейших чертах оно заключалось в следующем:

а) С пассажиров брать по 1-му рублю 70 коп. с каждого, за исключением детей моложе 10 лет, которые перевозятся бесплатно.

б) С пушных товаров: бобров 30 к.; соболей и лисиц-сиводушек 15 к.; с красных 7½ к.; песцов по 3 к. со шкуры; белок по 2 р. 90 коп. с 1 000; со шкур оленей 1 руб. 50 коп. с пуда.

в) Вино до 1851 г. перевозить по условию с откупщиком, по 14¹/₂ коп., а с 1851 г. по 30 к. с ведра. С прочей же клади по 30 к. с пуда.

г) Из Петропавловского порта в Охотск со всякой клади по 60 коп. с пуда.

Из числа вырученной за перевозку пассажиров и клади суммы 35 % отделить в пользу команды судов, на которых будет перевозиться груз, а 65 % отчислять в экономический капитал морского министерства.

С учреждением же Аянского порта, по положению сибирского комитета, Высочайше утвержденному 18 февраля 1854 г., назначено было за перевозку на судах клади из Аяна в Петропавловский порт и оттуда и Ижигу, Тигиль и Нижнекамчатск взимать по 30 к. с пуда, а из Ижиги, Тигилия и Нижнекамчатска в Петропавловский порт и из него в Аян — по 60 к. с пуда.

В 1846 г., 25 мая, адмиралтейств-совет по ходатайству Машина назначил отпускать ежегодно на кошек в Петропавловском провиантском магазине по 5 р. 71³/₄ копеек. Как, по-видимому, не мелочно это оригинальное положение, но мы решились привести его здесь, потому что оно возникло по довольно серьезным причинам. Ежегодный значительный недостаток провианта заставил капитана Машина обратить на этот предмет особое внимание. По рассмотрении же этого дела оказалось, что недостаток этот происходит от мышей, которыми чрезвычайно богато все побережье нашего азиатского материка. Тогда увидели необходимость иметь при магазине кошек, по неимению которых в Камчатке пришлось их привозить за несколько тысяч верст.

В 1847 г. капитан Машин просил у генерал-губернатора ассигновать особую сумму на заведение в Камчатке школ для обучения камчадалов. В представлении этом он, между прочим, писал, что среди камчадалов так мало грамотных, что старшинам их нередко случается при получении какого-либо предписания от начальства ехать за 300 верст к грамотному для прочтения бумаги. Но, не получив на это представление ответа, он учредил одно училище в селении Мильково. С согласия родителей поступило в это училище 23 камчатских мальчика от 8- до 15-летнего возраста из разных селений. Их обучали читать, писать, закону Божию, арифметике и отчасти сельскому хозяйству. Ученики школы жили у крестьян на условиях, сделанных с их родителями, на счет которых содержалась и самая школа.

В 1848 г. прапорщик Киренский снял план устья р. Камчатки, а в 1849 г. поручик Савин сделал съемку морского залива, прилежащего к устью этой реки, с губою Лахтак. Кроме того, в течение 1849 и 1850 годов был сделан план Петропавловского порта и промер гавани и рейда.

13 мая 1849 г. прибыл в Петропавловскую гавань отправленный из Кронштадта в состав Охотской флотилии транспорт «Байкал» под командою капитан-лейтенанта Невельского. По сдаче здесь грузов он отправился для исследования устья р. Амура и оттуда в Охотск.

В том же году посетил Петропавловскую гавань генерал-губернатор Восточной Сибири генерал Муравьев. Убедясь в неудобствах Охотского порта, он, прежде, нежели приступить к каким-либо распоряжениям по этому предмету, счел необходимым лично осмотреть главнейшие наши приморские пункты на Восточном океане: Охотск, Аян и Петропавловскую гавань. Генерал Муравьев первый из генерал-губернаторов решился на такое трудное путешествие. Выйдя из Охотска на транспорте «Иртыш» под командою капитана 2-го ранга Поплонского, он 50 суток пробыл в море, а обратное путешествие в Иркутск совершил по новому аянскому тракту.

Во время этого путешествия генерал Муравьев окончательно убедился в безотлагательной необходимости перенесения Охотского порта на другое, более удобное место; Петропавловская же гавань, как одна из лучших гаваней в мире, конечно, не могла не обратить на себя его внимания, и он решился основать здесь главный пункт наших приморских владений на Восточном океане.

23 сентября 1849 г. генерал Муравьев послал из Якутска представление князю Меншикову о закрытии Охотского порта и о сосредоточении всех наших морских сил и средств Охотского моря в Петропавловской гавани. В представлении этом он, между прочим, писал, «что Камчатка представляет все условия, необходимые для увеличения народонаселения и для распространения хлебопашества и скотоводства в такой степени, что и 10 000 человек служащих будут иметь местное продовольствие; а снабжение порта всеми потребностями будет продолжаться из Якутска без всяких новых расходов. Ижигинский округ должен быть причислен к камчатскому управлению; но, вместе с тем, с этими изменениями управление Камчаткой должно быть возвышено, и назначен туда военный губернатор из морских офицеров, подчиненный прямо генерал-губернатору, а не иркутскому губернатору, как ныне. Охотский окружной суд может быть также перенесен в Камчатку».

Представление это было уважено, и 2 декабря 1849 г. последовал Высочайший указ правительствующему сенату следующего содержания:

1) Из частей, подведомственных Камчатскому приморскому управлению, и Ижигинского округа, состоящего в ведомстве Охотского приморского управления, образовать особую область, которой именоваться Камчатской областью.

2) Управление этой области по всем вообще частям вверить военному губернатору, назначенному из чинов морского ведомства, которого и подчинить непосредственно генерал-губернатору восточной Сибири.

3) Охотский порт, по неудобности его, а также тамошнее приморское управление упразднить, присоединив сей край в виде особого округа к Якутской области. Находящийся же в Охотске окружной суд перевести в Камчатку и

4) Приведение сего в исполнение на предписанных особо основаниях возложить на генерал-губернатора.

По упразднению таким образом Охотского порта, Охотский флотский экипаж, Охотскую мастеровую роту и Петропавловскую флотскую роту соединили в один общий состав под названием 46-го флотского экипажа.

Для выполнения же всех своих предположений по этому предмету генерал-губернатор избрал начальника Аянского порта капитана 1-го ранга Завойко, которого представил к утверждению в должности камчатского военного губернатора.

В представлении своем о капитане 1-го ранга Завойко генерал Муравьев, между прочим, писал князю Меншикову: «При мнении моем, что Охотский порт должен быть немедленно уничтожен, и все в нем находящееся для пользы службы и человечества должно быть переведено в Петропавловский порт и, соображая настоящее положение Камчатского края и предстоящую ему будущность, не могу не желать, чтобы начальник Камчатки с 1850 г. вполне соответствовал этому назначению».

На основании этого представления Высочайшим указом 15 февраля 1850 г. капитан Завойко был назначен исправляющим должность камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта (капитан 1-го ранга Завойко был вскоре по вступлении в должность произведен в генерал-майоры, а потом переименован в контр-адмиралы. — *Авт.*).

12 июля 1850 г. он сдал Аянский порт капитан-лейтенанту Кашеварову, а 13-го на корабле Российско-Американской К^о *Амха* отправился в Петропавловскую гавань и 5 августа вступил в управление областью. Предместник же его, капитан Машин, выслуживший в должности начальника пять лет, выехал в Петербург.

21 февраля 1850 г. по положению комитета министров окончившийся 6 августа 1850 г. срок дозволения производить иностранную торговлю в Камчатке продолжен еще на 5 лет.

В марте 1850 г. ассигновано в распоряжение камчатского военного губернатора по 1 420 руб. ежегодно на экстраординарные расходы.

10 января 1851 г. последовало Высочайшее утверждение положения об управлении Камчатскою областью и штат этого управления.

В Петропавловском округе положено иметь: исправника с помощником, окружной суд, казначейство и окружного стряпчего. В Петропавловском порте — полицмейстера и при нем письмоводителя (к Петропавловскому округу были причислены и Курильские острова. — *Авт.*).

В Ижигинском округе — земского исправника с помощником и отдельно заседателя с помощником для Анадырского селения. Окружных врачей 3, лекарский учеников 6 и одну повивальную бабку.

В селениях положены волостные и сельские, а в кочевьях инородцев — родовые старшины.

При военном губернаторе назначено: помощник его, правитель канцелярии, 2 чиновника особых поручений, инспектор по медицинской части (он же главный лекарь морского ведомства), помощник его (один из морских медиков), землемер, горный чиновник и адъютант.

Ежегодный расход на содержание гражданского управления был определен по штату в 29 050 руб.

Камчатскому губернатору, кроме общих прав, были предоставлены еще нижеследующие права. В отношении управления сухопутными и морскими войсками — начальника дивизии, а по делам военносудным — командира корпуса, находящегося в составе армии. Местопребыванием губернатора назначен Петропавловский порт.

14 марта 1851 г. был Высочайше утвержден штат Петропавловского портового управления и 46-го флотского экипажа (в 1853 г. был переименован в 47-й, а еще позднее в 27-й. — *Авт.*). По штату этому положено: при штабе: старший адъютант, обер-аудитор, столоначальник, бухгалтер, казначей, переводчик, архивариус, частный инспектор корпуса штурманов, 10 штурманских офицеров, 12 кондукторов, 2 артиллерийских офицера, пейхвахтер (лицо, отвечающее за хранение вооружения и снаряжения. — *Ред.*) и 6 кондукторов.

В комиссии военного суда: презус (председатель. — *Ред.*), 4 ассессора (из наличных флотских офицеров) и аудитор.

По управлению капитана над портом: капитан над портом (он же помощник губернатора), помощник его, секретарь, бухгалтер, его помощник, старший офицер корпуса корабельных инженеров, его помощник, 2 кондуктора; содержатель магазинов, 14 вахтеров, 8 подшкиперов, 8 баталеров, 23 унтер-офицера разных мастерств и 20 писарей по всем частям управления.

Кроме того было назначено два флотских штаб-офицера по особым поручениям к генерал-губернатору восточной Сибири (на должности эти были назначены: командиры транспорта «Байкал» капитан 2-го ранга Невельской и старший офицер того же транспорта капитан-лейтенант Казакевич, с производством обоих в следующие чины. — *Авт.*).

Штат 46-го экипажа был утвержден в следующем виде: командир экипажа (капитан над портом), помощник его, капитан-лейтенантов 4, лейтенантов 6, мичманов 6, унтер-офицеров 80, музыкантов 14, матросов 904, врачей 4 и священник. Нестроевая рота: писарей 8, фельдшеров 8, поваров 4, циркульников 4, ложников 4, слесарей 4, комиссар, вахтер и 96 мастеровых.

46-й экипаж положено комплектовать местными кантонистами и нижними чинами линейных баталионов. Нижним чинам по прослужении 15 лет предоставлено право пользоваться бессрочным отпуском для поселения в Камчатке (в 1852 г. поселенцам этим разрешено выдавать по 130 руб. каж-

дому на домообзаведение. — *Авт.*). Пробыв же 10 лет в таком отпуску, они увольняются в отставку, но с обязательством остаться там на жительство. Нижние же чины, которые прослужат полные 25 лет, доставляются на родину на казенный счет. Неспособные же нижние чины обращаются на инвалидное содержание, не высылая их из Камчатки.

На содержание морского управления положено по 28 253 руб. 82 коп. в год.

22 июня 1851 г. был Высочайше утвержден герб Камчатской области: в серебряном поле щита изображены три сопки или огнедышащие горы черного цвета. Щит увенчан золотою Императорскою короною.

В 1849 г. Сибирская флотилия состояла из следующих судов: брига «Курил», транспортов: «Иртыш», «Байкал», «Охотск», бота «Кадьяк», вновь заложеного бота «Ангара» (в 89 тон.) и тендера «Камчадал». В 1850 г. почти все суда были заняты перевозкою грузов и команды из Охотского порта в Петропавловск.

Но из числа этих судов бот «Ангара» в 1850 г. разбился у восточных берегов Камчатки под командой прапорщика Чуднова (команда спасена), а бриг «Охотск» обсох в 1850 г. в заливе Счастья у Петровского зимовья (в 1855 г. был сожжен). В том же году был отправлен из Охотска в Петропавловскую гавань бриг «Курил» под командою капитан-лейтенанта Григорьева с грузом и 38 человеками пассажиров и команды, который пропал без вести. В 1851 г. транспорт «Байкал» под командою капитан-лейтенанта Гарновского был брошен в Охотске на Старопортовую кошку и значительно поврежден.

При таких условиях контр-адмирал Завойко счел необходимым заложить при устье р. Камчатки, где в изобилии растет строевой лес, бот и шкуну. Бот № 1 был спущен на воду 27 мая 1852 г., а шкуна 25 июня 1853 г. и названа «Анадырь».

13-го декабря 1850 г. Высочайше утвержден устав Российско-Финляндской китоловной Компании. Главнейшие параграфы этого устава заключались в следующем:

a) компании выдается из финляндских сумм единовременно 20 000 руб. и по 10 000 на каждый из первых четырех кораблей, для этой цели снаряженных.

b) в течение 8 лет дозволяется иметь на этих судах иностранных шкиперов и экипажи.

c) беспощинно привозить в Финляндию и вывозить оттуда в течение 12 лет все предметы китоловства.

d) по истечении 5 лет компания может прекратить свои действия, если вырученная ею прибыль будет менее 3 % в год.

При этом компания обязалась снарядить четыре судна, и первое в 1850 году. Основной капитал компании, состоящий из 200 000 руб., был разделен на 200 акций.

Первое снаряженное компаниею судно — *Суоми* — в течение 1852 и 1853 годов приобрело в Охотском море значительный груз жиру; второе — *Турка* — безуспешно проплавало в 1853 и 1854 г., третье — *Аян* — было сожжено в 1855 году в Петропавловском порте англо-французскою эскадрою.

После таких неудач компания прекратила свои действия. В этой-то китоловной компании и принимала некоторое участие Российско-Американская Компания.

В 1852 г. Императорское Русское Географическое Общество предполагало отправить экспедицию для исследования Камчатки и сопредельных с нею стран на север по р. Анадыру, на запад до меридиана, проходящего через Ижигинскую губу, а также Курильских и Алеутских островов и побережья наших североамериканских владений и [провести] топографическое исследование мест, лежащих за р. Анадыром к Ледовитому морю до устья р. Лены. На этот предмет граф Чапский пожертвовал ежегодно по 5 тысяч рублей, в продолжении 5¹/₂ лет, и коллежский советник Голубков 30 000 р. Но вследствие представления военного губернатора Камчатской области о различных затруднениях, которые встретит экспедиция в продовольствии и лошадях, она была отменена и занятия ею были сосредоточены в западной части Забайкальской области и восточной части Иркутской губернии.

В 1852 г. по распоряжению генерал-губернатора был командирован в Камчатку горный чиновник Дитмар, которому, между прочим, было поручено: 1) исследовать, не находится ли в Камчатке золота, кусок которого был найден недалеко от Нижнекамчатска на месте старого города. 2) Осмотреть месторождение киноvari, курением которой лечатся камчадалы от худосочия и которая, по словам Палласа, находится у устья р. Таловки. 3) Осмотреть месторождение пемзы. 4) Отыскать медную руду, каменный уголь и самородную серу.

Дитмар пробыл в Камчатке три года и составил геологическую карту осмотренной им местности. Золота не нашел, и полагает, что найденный кусок скорее слиток, чем самородок. Киновари также не открыл. В Халагирской губе нашел медный колчедан. При речках Облесковой, Вахиль и на Маячном мысу открыл каменный уголь, годный для пароходов, которого по распоряжению контр-адмирала Завойко доставлено было в Петропавловский порт до 1 600 пудов. На Авачинской сопке найдено им месторождение серы, на высоте 8 700 фут. Другое подобное месторождение серы находится, по его словам, на Киапинической сопке. Пемза же находится около кратеров этих сопок. При отчете своем Дитмар представил коллекцию горных пород полуострова.

Генерал-губернатор Восточной Сибири в июне 1849 г. застал в Петропавловском порте английские военные суда — шлюп и шкуну, а во время плавания своего по Охотскому морю встретил до 150 китобойных судов.

В 1850 г. он получил донесение, что на о-ве Св. Георгия китобойные суда разорили китовые лежбища, а около Аяна китобои меняли у тунгусов олень и рыбу на водку.

Обстоятельство это подало генералу Муравьеву мысль учредить постоянное крейсерство в Охотском море из двух фрегатов. 13 февраля 1850 г. он вошел по этому предмету с представлением к князю Меншикову, и 30 мая последовало Высочайшее повеление о назначении для этой цели одного корвета. В том же году был послан к берегам Сибири корвет «Оливуца» под командою капитан-лейтенанта Суцова, с тем, чтобы командир и офицеры по доставлении корвета в Камчатку были возвращены в Кронштадт сухим путем, а корвет с нижними чинами поступил бы в состав Сибирской флотилии. На содержание этого корвета было исчислено по 88 267 руб. 93 к. в год.

29 июня 1851 г. корвет прибыл в Петропавловскую гавань (здесь командир фрегата Суцов утонул на шлюпке 25 сентября 1851 года. — *Авт.*). Но он не мог заняться исключительно одним крейсерством, будучи отвлечен другими поручениями. Сперва он был занят по делам местного управления, а потом находился в эскадре вице-адмирала Путятина в Японском море, а между тем в 1851 г. команда одного из китобойных судов в драке с чукчами убила у них 12 человек. В том же году прибыл к нашим северо-восточным берегам Сибири хорошо вооруженный люгер под флагом Северо-Американских Штатов. Впоследствии оказалось, что это было английское купеческое судно, приходившее для торговли с чукчами. Наконец, в 1852 г. правительство Соединенных Штатов снарядило две экспедиции: одну с целью установить торговые связи с Япониею, а другую для обозрения северных берегов Тихого океана до Берингова пролива. Первая была поручена капитану Перри и состояла из одного линейного корабля, трех паровых фрегатов, корвета, двух шлюпов и парохода, а вторая под начальством капитана Рингольда состояла из шлюпа, брига и двух пароходов.

При таком скоплении иностранных судов в Тихом океане присутствие там одного нашего крейсера было весьма недостаточно, тем более что в 1852 г. главное правление Российско-Американской К^о просило генерал-губернатора, чтобы наши крейсера посещали колонии и в особенности Командорские острова, где множество китобоев. И потому генерал Муравьев 5 апреля 1853 г. вошел с новым представлением о посылке в Охотское море крейсеров, по случаю увеличения там иностранных судов. По этому поводу были отправлены из Кронштадта в Камчатку в 1853 г. фрегат «Аврора» под командою капитан-лейтенанта Изъильметьева, корвет «Наварин» под командою капитан-лейтенанта Истомина и на другой год яхта «Рогнеда» под командою владельца ее капитан-лейтенанта князя Лобанова-Ростовского. Судам этим предписано было по прибытии к берегам Сибири поступить в распоряжение генерал-губернатора. Кроме того, в том же году был отправлен в Камчатку

с разными грузами транспорт «Неман» под командою капитан-лейтенанта Шкота. Но из числа этих судов корвет по случаю значительных повреждений не мог прибыть к месту назначения; транспорт разбился в Каттегате, а яхта по случаю войны продана за границую. И, таким образом, из всех судов один только фрегат «Аврора» прибыл в Петропавловскую гавань 19 июня 1854 г. Продолжительное плавание фрегата от Портсмута в Камчатку и влияние непогод были причиною, что на фрегате развилась в сильной степени цинга, от которой умерло во время плавания 8 человек и свезено в Камчатке на берег 164 человека больных. Но особое попечение о больных контр-адмирала Завойко и капитана Изъльметьева, хороший уход за ними, свежая пища при медицинском пособии весьма скоро восстановили здоровье команды, и фрегат был готов к плаванию; но по случаю войны и он не был в крейсерстве.

Крейсерам нашим была дана следующая инструкция, Высочайше одобренная 9 декабря 1853 года.

1) Иметь постоянно в виду, что правительство наше не только не желает запрещать или стеснять производимого иностранцами китового промысла в северной части Тихого океана, но даже дозволяет иностранцам ловлю китов в Охотском море, составляющем по географическому положению внутреннее русское море, и что главная цель учреждения крейсерства заключается в том, чтобы промысел этот производился не во вред подвластным России племенам, и чтобы в морях, омывающих русские владения, повсюду соблюдался должный порядок.

Посему поручается вам наблюдать: а) чтобы иностранцы, промысля китов, не входили в заливы и бухты и не подходили ближе трех миль к берегам Русской Америки (к северу от 54°40' *N* широты), Камчатского полуострова и Сибири и к островам Кадьякского архипелага, Алеутской гряды, Прибылова, Командорских и других в Беринговом море, а равно и к островам Курильской гряды, Сахалину, Шантарским и другим в Охотском море, к северу от 45°36' *N* широты лежащим, причем следует пояснить иностранцам, что китовый промысел в бухтах, заливах, проливах и в расстоянии трех миль ближе от означенных берегов и островов предоставляется исключительно русским.

б) чтобы иностранцы без дозволения местного начальства не приставали к нашим берегам и островам для производства торговли с туземцами, запасаения дровами и вытопки китового жиру. Дозволение это может быть получено: относительно камчатского берега от тамошнего губернатора в Петропавловском порте; относительно берегов Америки и островов Берингова моря, а равно и Курильской гряды — от правителя колоний в Новоархангельске; относительно же берегов Сибири, острова Сахалина, Шантарских и других островов Охотского моря — от начальника Аянского порта.

с) чтобы капитаны китоловных судов ни под каким видом не оставляли, как это случалось доселе, в ненаселенных местах российских владений, своих

матросов в наказание за нарушение дисциплины. Для этого предмета, а равно для починок, снабжения и других надобностей открыты для иностранных китобоев: Новоархангельский порт, Павловская гавань на острове Кадьяк, Петропавловский порт и Аянский порт. Во время пребывания в этих портах иностранцам запрещается производство китового промысла, и они обязаны исполнять все постановления и правила, для тех портов существующие.

2) Плавание ваше располагать, соображаясь с плаванием китоловов, которые, отправляясь на промысел с Сандвичевых островов и других мест, обыкновенно рассчитывают так, чтобы прийти в Охотское море в начале мая, а в Берингово — в начале июня для промысла китов в открытом море и около островов, а в июле и августе посещают преимущественно заливы, куда в это время киты-самки обыкновенно уходят телиться. Наконец, в сентябре китоловы оканчивают уже промысел в северных широтах и удаляются на юг.

3) При встрече китоловов в запрещенных иностранцам водах, т. е. в заливах, бухтах, проливах и в расстоянии ближе трех миль от берега останавливать каждое судно и, потребовав от капитана письменных ответов на предметы, поименованные в данных вам опросных листах, объявлять ему для сведения и исполнения содержание первого пункта этой инструкции. Вообще обходиться с китоловами ласково, как следует с судами дружественных наций, имея в виду, что в случае особой надобности, по причине аварии и тому подобных экстренных обстоятельств, иностранцы могут ходить во внутренние воды и приставать к нашим берегам повсюду; но должны при том удерживаться от запрещенных в первом пункте инструкции действий и тотчас по миновании надобности уходить в море.

4) С китоловными судами, которые будут найдены производящими китовый промысел в запрещенных водах, или торгующих без письменного дозволения подлежащего начальства с туземцами, или вытапливающими на берегу китовый жир, поступать также, как выше сказано, и тотчас приглашать их удалиться в море, а в случае нужды и понудить их к тому соответственно обстоятельствам средствами, с подтверждением не позволять себе на будущее время подобных нарушений установленного порядка. Туземцам же объявлять, чтобы они впредь не торговали с иностранцами под страхом лишиться полученных от иностранцев товаров. Эта угроза должна быть приводима в исполнение над теми туземцами, которые будут вторично замечены в запрещенной торговле (вырученные от продажи конфискованных у туземцев товаров суммы было бы ближе всего обращать в инородческий капитал Камчатской области (примечание, сделанное в инструкции). — *Авт.*).

5) Если бы иностранцы позволили себе насильственные действия или грабеж в черте российских владений, то прежде всего оказывать защиту и покровительство жителям наших островов и берегов, хотя бы для того и потре-

бывалось отразить силу силою, но только избегая, по возможности, кровопролития. По восстановлении же должного порядка в подробности исследовать происшествие на месте, и если при том окажется, что поступок китоловов выходит из ряда обыкновенного буйства, сословию их свойственного, особенно если при том произошло кровопролитие или китоловы оказывали вам сопротивление вооруженною рукою, то с подобными судами обращаться как с морскими разбойниками и доставлять их в Петропавловский порт для поступления с ними по законам. В случае же меньшей важности оканчивать дело на месте и, оказав удовлетворение обиженным на счет виновных, отпускать иностранные суда с должным внушением капитану. При этом следует употреблять силу только в случае крайности, а стараться действовать на иностранцев главнейше влиянием военного флага.

6) Если же иностранцы, сделавшиеся виновными в преступлениях против прав собственности или личности туземцев, кроме смертоубийства, — окажутся беглыми матросами, выдачи которых будут просить капитаны их судов, то не выдавать сим последним этих людей до тех пор, пока они не будут на месте подвергнуты надлежащему наказанию, а обиженные не получат должного удовлетворения.

7) Если бы на принадлежащих России островах и берегах были найдены беглые иностранные матросы или высаженные туда капитанами в наказание, то таких людей принимать на корабль для доставления в один из наших портов, где есть военное начальство; а если за время пребывания на берегу люди эти не будут обвиняемы в преступлениях, то стараться в случае возможности передавать подобных людей на встречающиеся иностранные суда одной с ними нации.

Кроме того, ученый комитет морского министерства и гидрографический департамент снабдили командиров крейсеров следующей инструкцией:

а) на восточном берегу Камчатки от Петропавловского порта к северу до Берингова пролива описаны и положены на картах капитаном Литке одни только более выдавшиеся мысы: Карагинский остров, устье р. Анадыра, залив Св. Креста, северный берег Анадырского залива с проливом Сенявина и губа Св. Лаврентия, а чтобы дополнить изданные капитаном Литке карты, необходимо описать прочие части восточного берега Камчатки.

б) положение островов Курильской гряды и возвышенностей на них, служащих приметными местами, определены на картах Сарычева и Крузенштерна неудовлетворительно, особливо острова Парамушир, Алаид, Ширинки, Онекатан и проч., между которыми более бывает плавание судов Камчатской флотилии.

в) западный берег Камчатки, Пенжинский и Ижигинские заливы и весь северный берег Охотского моря с Тауйскою губою до самого Охотска на картах назначен с описей и журналов 1700-х годов, исключая небольшой ча-

сти берега около Тигиля, между мысами Утхолотским и Каматаном, который описан офицером корпуса штурманов Гавриловым в 1848 и 1849 годах.

d) остров Св. Ионы, лежащий почти на середине Охотского моря, требует точнейшего определения.

e) необходимо поверить положение берега с картами от Охотска до Аяна.

f) южную часть Курильской гряды, как-то: острова Кунашир, Итуруп, Уруп, Симуир и проч. необходимо описать подробнее.

g) восточный берег о-ва Сахалина хотя и описан Крузенштерном, но и его поверить необходимо, в особенности южный берег Сахалина, где залив Анива, а также весь пролив Лаперуза, находящийся между Сахалином и Матсмаем.

«Таинственные острова или скалы, долженствующие служить местами приютов для морских котов в их странствовании на север, и где они проводят зиму (вероятно, к югу от Алеутской гряды, в широтах севернее тропиков), ожидают еще быть открытыми, не для того, чтобы тревожить этих земноводных в местах их зимнего отдыха, но для безопасности мореходцев.

Так как берега Охотского и Берингова морей описаны не везде довольно тщательно, и весьма немногие пункты определены астрономически, то военные крейсеры наши оказали бы весьма важную услугу гидрографии, если бы обратили особенное внимание на тщательное обозрение тех местностей, которые были исследованы только поверхностно.

В настоящее время необходимее всего, казалось бы, обратить внимание на южную часть Охотского моря и исследовать во всех вышеизложенных подробностях: Курильские острова с проходами между ними, восточные и западные берега острова Сахалин и, если не встретится особенных препятствий, остров Магсмай и восточный берег материка Азии, от устья Амура до оконечности полуострова Кореи и вообще Татарский пролив и Японское море.

Во время крейсерства и пребывания в окрестностях острова Ситхи необходимо исследовать подробно как самые берега этого острова, так и в особенности и проливы южнее оного».

Кроме судов, посланных в крейсерство в 1852 г., были отправлены в Тихий океан фрегат «Паллада», шкуна «Восток» и транспорт «Двина», но уже для других целей.

Фрегат «Паллада» под командой флигель-адъютанта Унковского и под флагом вице-адмирала Путятина вышел из Кронштадта 7-го октября 1852 г. для заключения торгового трактата с Япониею. В порте Лойд поступили в распоряжение вице-адмирала Путятина: шкуна «Восток» под командою капитан-лейтенанта Римского-Корсакова, корвет «Оливуца» (капитан-лейтенант Назимов) и барк Российско-Американской К^о *Князь Менишиков* (капитан-лейтенант Фуругельм). По окончании переговоров с Япониею эскадра вице-адмирала Путятина весною 1854 г. прибыла в Татарский пролив. Фрегат «Паллада» по неблагонадежности был оставлен в Императорской гавани, где по

распоряжению местного начальства затоплен, чтобы не достался в руки неприятельской эскадры. Прочие же суда эскадры получили другое назначение.

Винтовая железная в 40 сил шкуна «Восток» была куплена вице-адмиралом Путягиным в Бристоле. Она впоследствии поступила в состав Сибирской флотилии.

Транспорт «Двина» под командою капитан-лейтенанта Бессарабского был послан в Петропавловскую гавань с разными грузами с тем, чтобы транспорт этот поступил в состав Сибирской флотилии. 27-го августа 1853 г. фрегат «Двина» прибыл в Петропавловскую гавань, откуда командир и офицеры были доставлены на тендере «Камчадал» в Аян для выезда сухим путем в Петербург, а команда зачислена в состав 47-го флотского экипажа.

Между тем вице-адмирал Путягин по неблагонадежности фрегата «Паллада» просил с пути в Японию выслать другой, более благонадежный фрегат. На этом основании в сентябре 1853 г. был послан в распоряжение вице-адмирала Путягина фрегат «Диана» под командою капитан-лейтенанта Лесовского. В июле 1854 г. фрегат «Диана» прибыл в Татарский пролив и в половине сентября ушел с вице-адмиралом Путягиным в Японию для окончания переговоров. Но в декабре 1855 г. погиб в порте Симода от землетрясения.

Коснувшись сношений наших с Япониею, мы находим необходимым упомянуть здесь о посылке в 1852 г. в порт Симода барка Российско-Американской К^о *Князь Меншиков* под командою вольного штурмана Линденберга для доставления туда японцев, спасшихся от кораблекрушения, и с письмом от главного правителя колоний к нипонскому губернатору. После продолжительных переговоров с японцами, губернатор о-ва Нипона решительно объявил Линденбергу, что не примет японцев и посланной к нему бумаги, потому что порт этот не открыт для иностранцев. По этому поводу привезенные японцы по их просьбе были высажены на берег в 5 милях от Симода.

В это время Петропавловский порт представлял самую оживленную картину деятельности. Кроме беспрестанного движения на рейде судов, и в самом порте производились усиленные работы. Для прибывших из Охотска команд не было приготовлено помещения, и поэтому приходилось строить новые здания; но при этом встретилось затруднение в лесе. Военный губернатор при своей энергии сумел устранить и это препятствие — употреблены были в дело старый рангоут, купеческие строительные материалы и т. п. Устроив, насколько позволили средства, нижних чинов и прекратив развившуюся между ними цинготную болезнь, контр-адмирал Завойко осмотрел окрестные леса, отыскал строевые ветловые деревья и указал на способы и средства к вывозке и сплаву их в Петропавловскую гавань, так что в течение 1850 и 1851 годов было добыто уже до 15 800 дерев. По доставке леса тотчас же было приступлено к постройке новых, более удобных зданий для нижних чинов. В то же время подвозились в порт песок, глина, кирпичи и трава,

употребляемая на крыши домов вместо тесу. К концу 1852 г. было уже построено две казармы с 11-ю флигелями и два магазина без излишних расходов для казны (ценность заготовленных для этих построек материалов обошлась в 11 453 руб. — *Авт.*).

Видя недостаток средств к перевозу продовольствия по всем гаваням Камчатского края, контр-адмирал Завойко приступил к постройке новых и исправлению старых судов и, не выходя из сметной суммы, в течение двух лет в Петропавловске и на р. Камчатке выстроил: шкуну, бот, флашкоут, датский ботик и 12-весельный катер; купил у иностранцев 6 вельботов, уплатив часть их стоимости дровами; исправил транспорты «Байкал», «Иртыш» и тендер «Камчадал». Устроил в Петропавловске пристань и прорубил на пространстве 10 верст от порта до селения Авачи просеку.

По прибытии контр-адмирала Завойко в Петропавловскую гавань все числившиеся при 46-м экипаже кантонисты занимались домашними работами и ходили оборванными. Контр-адмирал Завойко собрал 30 человек мальчиков в особое помещение, обмундировал их, обучил грамоте и посылал для практики в море. Но как школа эта содержалась на экономические средства, на которые нельзя было рассчитывать постоянно, к тому же число кантонистов в Камчатке, считая и казачьих детей, числилось, кроме определенных в школу, до 130 человек, которые находились также без всякого призрения, то контр-адмирал Завойко вошел в 1850 г. с представлением об учреждении в Петропавловской гавани неранжированной роты кантонистов с отпуском по 15 коп. на человека в сутки. Представление это подало генерал-губернатору мысль учредить в Камчатке общеобразовательную школу, проект которой составлялся в Иркутске. Но переписка об этом, несмотря на новое представление Завойко 18 ноября 1853 г., не привела ни к каким полезным результатам.

Стараясь развить в Камчатке торговлю, контр-адмирал Завойко разными мерами возбудил между торговцами соперничество. При существовавшей издавна в Камчатке меновой торговле камчадалы не знали настоящей ценности пушных товаров, и купцы, пользуясь этим, выменивали у них соболей на разные мелочные товары, оценивая соболя от 3 до 3 р. 50 к. Контр-адмирал Завойко учредил ярмарочную торговлю под надзором чиновника, обязанного объявлять камчадалам стоимость мехов и ценность товаров в Петропавловской гавани.

Для улучшения быта камчадалов контр-адмирал Завойко принял меры к обучению их купорному и горшечному мастерствам. В Ключевском селении построил мельницу и кузницу. Продолжал обучать камчадалов ткацкому ремеслу, и приготовление холста шло довольно успешно. На случай предупреждения *голодовки* обязал каждую семью разводить до 10 пуд. картофеля. Заботился, чтобы камчадалы выходили на звериный промысел не ранее окончания сельских работ. Главнейшее продовольствие камчадалов — вяленая

рыба — заготавливалась ими весьма небрежно и в случаях ненастной погоды гнила на вешалках. Контр-адмирал Завойко ввел у них деревянные коптильни.

Для прекращения болезней среди туземного населения посылались в округ медики и учреждены в селениях временные больницы, в которых в течение двух лет излечено до 560 больных. На Паратунских горячих ключах выстроен для больных особый дом и карантин для предохранения здоровых людей от влияния *проказы*.

Обращено было внимание и на хлебопашество. Контр-адмирал Завойко старался приохотить к нему камчадалов. При первом опыте у них из 45 пудов посеянного ячменя родилось 144 пуд., а у крестьян из посева 563 пуд. ячменя родилось 1 500 пуд. В 1853 г. отправлено в Камчатку 25 русских семейств в числе 139 душ. Но крестьяне эти, видя бесполезность своих трудов, сеяли сперва хлеб под страхом наказания, а потом и вовсе прекратили, усвоив себе образ жизни и занятия туземного населения.

В 1851 г. какой-то заштатный дьячок Федоров, посетивший Камчатку по своим делам, представил главному сибирскому начальству проект заведения хлебопашества и улучшения вообще сельского хозяйства в Камчатке, прося на приведение своих планов в исполнение 15 т. руб. Но проект его найден неудобным и потому оставлен без последствий.

Огородничество было в цветущем состоянии. У всех крестьян и камчадал были свои огороды, в которых преимущественно сеялся картофель и частью капуста, репа, морковь и проч. Картофеля было посеяно в один год 2 750 пуд., а снято 16 850 пуд. Одни только олюторцы и коряки не занимались огородничеством.

Рогатого скота в 1852 г. было до 1 700 голов и 400 лошадей. Крупный скот преимущественно находился в селениях Мильковском, Ключевском, Сопочном, Большерецком и Ичинском.

Народонаселение края в это время состояло: в Петропавловском округе из 3 973 муж. и 3 158 жен.; в Ижигинском 849 мужч. и 836 женщ. Число родившихся в обоих округах в течение одного года 169 мужч. и 169 женщ.; число умерших 159 мужч. и 144 женщ.

Приведя в порядок Петропавловский порт, контр-адмирал Завойко в январе 1853 года отправился для обозрения вверенной ему области и проехал по восточному берегу до первого Олюторского острожка, оттуда через Ветвей на западный берег в Каменское селение и дальше на север в Ижигу, из Ижиги по западному берегу через Пусторецк, Тигиль и Большерецк возвратился в Петропавловскую гавань в начале марта.

По западному берегу до Лесного острожка он встретил удобные избы и для скота теплые стаи. Находящиеся в диком состоянии жители северных частей восточного и западного берегов Камчатки по недостатку строевого леса живут в юртах наподобие нор в земле и питаются одною рыбою и мор-

скими зверями. Разведение овощей по местным условиям невозможно. Каменцы и паренцы объявили контр-адмиралу Завойко, что иностранные китоловные суда отогнали от берегов китов, а матросы этих судов ловят рыбу в их реках, отчего промысел их был неуспешен. Каменцы гораздо зажиточнее паренцов, которые, несмотря на обилие леса, живут в землянках. Контр-адмирал Завойко поставил им в обязанность завести избы. Также он распорядился, чтобы по всему тракту были поставлены вехи и на расстоянии 40 верст юрты для обеспечения проездов во время пурги.

Осведомясь, что по западному берегу полуострова существует между туземцами венерическая болезнь, он командировал туда лекаря Левицкого с тем, чтобы он собрал таких больных в тигильскую больницу. Хозяйство камчадалов нашел он вообще в отличном состоянии, благодаря заботам о них его предшественников.

По возвращении своем в Петропавловскую гавань, контр-адмирал Завойко с прежнею деятельностью занялся постройкою необходимых зданий. В короткое время были вновь построены: казармы для семейных нижних чинов, здание окружного казначейства, офицерский флигель и заложено еще два таких же флигеля. Устроен литейный завод. Кирпич для построек привозился из Тарьинской губы на двух ботах и флашкоутах.

По ходатайству генерал-губернатора камчатскому военному губернатору в 1853 г. было предоставлено право употреблять остатки от ассигнованных сумм морского ведомства на другие непредвиденные расходы. Мера эта значительно облегчила переписку, потому что прежде на всякий незначительный расход приходилось испрашивать разрешения генерал-губернатора.

В это время доставку провианта в Камчатку производила Российско-Американская К°. С 1851 по 1853 год ею доставлено в Петропавловскую гавань 130 000 пуд. муки и 10 000 пуд. крупы.

В 1853 г. по распоряжению контр-адмирала Завойко прапорщик Большучин на пути из Петропавловского порта в Тигиль, пройдя Первым Курильским проливом, осмотрел все бухты, сделал им опись и потом снял план Большерецка.

Пока контр-адмирал Завойко занимался перенесением Охотского порта и устройством Петропавловского, другие деятели занимали и упрочивали за Россию Амур, начав свои действия с устья его. Еще в 1849 г. по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири командиру отправлявшегося в кругосветное плавание транспорта «Байкал» капитану Невельскому было поручено исследование Амурского лимана. В инструкции г. Невельскому, между прочим, было сказано:

1) Осмотреть *NO* и *NW* берега острова Сахалина, не имеется ли на этом пространстве закрытого якорного места.

2) Определить с севера подход к лиману р. Амура, вход в самый лиман, состояние лимана и нет ли в окрестностях мыса Головачева или Ромберга места для укрытого порта или, по крайней мере, места, где бы можно было защитить вход в лиман с севера.

3) Обследовать устье р. Амура и далее самую реку, где она течет в определенных берегах своих и тем определить состояние входа в реку из лимана и самой реки, и нет ли при устье ее в лимане или близ его в самой реке места, где бы можно было защищать вход в реку.

4) Описать берега Амура близ устья и берега лимана его в отношениях топографическом и статистическом.

5) Определить состояние входа в лиман с юга, и если Сахалин есть остров, отделяющийся от материка проливом, достаточную глубину имеющим, то обследовать подход и вход в лиман и реку из Татарского пролива.

и 6) Обследовать юго-восточные берега Охотского моря и губу Великого Князя Константина и по возможности привести их в сколь возможно большую ясность и определенность для безопасности плаванья судов наших по Охотскому морю.

31 мая 1849 г. по сдаче груза в Петропавловской гавани капитан Невельской направился со своим транспортом к Сахалину для выполнения возложенного на него поручения и окончил его с блестящим успехом.

Результаты исследования капитана Невельского были весьма важны. Хотя он и не успел с точностью определить направление фарватера Амура среди отмелей лимана, но, тем не менее, доставил данные, из которых можно было убедиться, что фарватер этот существует, и что, следовательно, мнения Лаперуза, Бротона и Крузенштерна о недоступности Амура с моря несправедливы.

По окончании своих изысканий капитан Невельской отправился в начале сентября в Аян, где встретился с генерал-губернатором Восточной Сибири, только что возвратившимся из Камчатки, которому и представил краткий отчет о своих исследованиях.

В начале 1850 г. капитан Невельской по ходатайству генерала Муравьева был назначен к нему для особых поручений и по прибытии в Иркутск отправлен в Аян и оттуда с командою на транспорте «Байкал» в залив Счастья для устройства там поста. 29 июня 1850 г. было заложено первое русское зимовье на устье Амура, названное *Петровским*, а позднее еще два зимовья: *Николаевское* (где ныне Николаевск. — *Авт.*) и *Мариинское*. В то время, когда капитан Невельской занимался исследованием устья Амура и Татарского пролива, генерал Муравьев успел исходатайствовать разрешение на доставление к устью р. Амура команд и грузов сплавом по этой реке.

К весне 1854 г. на р. Шилке было изготовлено до 48 барж, лодок, флашкотуов и, кроме того, мастеровыми и каторжными нерчинских заводов построен был под наблюдением капитана 1-го ранга Казакевича 60-сильный паро-

ход *Аргунь*, машина которого изготовлялась на Петровском железоделательном заводе в Забайкальской области.

В начале мая было погружено на суда и плоты до 25 000 пуд. провианта и других грузов, а 14 мая экспедиция под личным начальством генерала Муравьева тронулась из шилкинского завода, имея до 1 000 человек команды и прочих чинов.

Пароход «Аргунь» под команду лейтенанта Сгибнева 9 июня прибыл благополучно в Мариинский пост, а несколько дней спустя стали подходить туда и грузовые суда (пароход «Аргунь» было первое паровое судно на водах Шилки и Амура. — *Авт.*).

С этого времени снабжение всех наших приморских владений на Восточном океане стало производиться этим новым путем взамен прежнего, трудного и неудобного охотского тракта.

Генерал Муравьев по прибытии к устью Амура отправил 350 нижних чинов через озеро Кизи в де-Кастри и оттуда на транспорте «Двина» в Петропавловскую гавань. Подкрепление это прибыло в Камчатку в самую нужную пору. При заботах своих об устройстве порта, контр-адмирал Завойко успел к 1854 г., насколько позволяли средства, укрепить его — недоставало только военной команды. По прибытии же ее, контр-адмирал Завойко 18 июля 1854 г. доносил генералу Муравьеву, что Петропавловская гавань совершенно готова встретить неприятеля, а по докладе этого донесения Государю, Его Величество изволил собственноручно написать на этом докладе: *Спасибо*. Места для батарей были указаны генералом Муравьевым во время посещения им Петропавловского порта.

О разрыве Англии и Франции с Россией в Камчатке узнали в июле месяце 1854 г. и немедленно приступили к приведению всех семи батарей в боевой вид. Фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» поставлены были в удобном месте в Петропавловской губе. Для отражения десанта сформированы были три стрелковые отряда.

Едва успели сделать эти приготовления, как 18 августа показалась в Авачинской губе неприятельская эскадра, состоящая из следующих судов: английского парохода *Virago*, французского брига *Obligado*, фрегатов: *President*, под флагом английского адмирала, *Pique*, *La Forte* под флагом французского адмирала и *Euridice*.

После двухдневной рекогносцировки и приготовления к бою, 20 августа неприятель начал громить наши батареи. Принудив умолкнуть батареи № 1 и 4, он направил все свои орудия на батарею № 2. Фрегат и бриг два раза подходили близко к берегу, имея в шлюпках десант; но были прогоняемы меткими выстрелами наших батарей. В сражении 20 августа убито с нашей стороны 6 человек нижних чинов и ранено 1 обер-офицер и 12 нижних чинов.

До 24 августа соединенная эскадра исправляла повреждения. В то же время успели привести в порядок и наши батареи. В половине 6-го часа пополудни 24 августа неприятель возобновил свои действия, сосредоточив все выстрелы на батареи № 3 и 7. Командир батареи № 3 лейтенант князь Максудов 2-й, поддерживая мужество своих подчиненных, пал с оторванной рукой, и батарея замолкла. Батарея № 7 держалась несколько долее. Сбив батареи, неприятель отправил на берег десант на двух ботах и 23 гребных судах по направлению к батарее № 7. По выходе на берег десант занял Никольскую гору и открыл ружейный огонь по нашим войскам; но стрелковые наши отряды с криком «Ура!» ударили в штыки и сбросили неприятеля с горы. Отступление неприятеля к гребным судам произошло с большим для них уроном. В сражении этом с нашей стороны убито нижних чинов 31; ранено обер-офицеров 2, нижних чинов 63.

В Петропавловском порте найдено 38 неприятельских трупов, в том числе 4 офицера. В плен взято 4. Потери неприятеля в деле 20 и 24 августа простирались до 350 челов. 24 августа взято русскими английское знамя, 7 офицерских сабель и 56 ружей. 27 августа неприятельская эскадра ушла в море.

По выходе из Авачинской губы неприятель захватил судно Российско-Американской компании *Ситха*, шедшее в Петропавловскую гавань из Аяна, и военную шкуну «Анадырь» с лесом.

Осенью того же года контр-адмирал Завойко послал лейтенанта князя Максудова 1-го курьером через Аян в Иркутск и Петербург с донесением об этом славном деле. Щедрые награды были Государем пожалованы храбрым защитникам Петропавловского порта, а Святейший Синод в память знаменитой победы благословил ежегодно 24 августа делать крестный ход из собора на Никольскую гору.

Отдохнув несколько от тяжких трудов, команда всю осень и зиму снова была занята постройкою укреплений. Но 3 марта 1855 г. прибыл в Петропавловскую гавань адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири с предписанием его перевести раннею весною из Камчатки все гражданские и военные учреждения, а также всю морскую команду в Николаевский порт, на Амур, оставив в Камчатке только одно земское управление. Начались новые усиленные работы. Нужно было снять укрепления, погрузить на суда казенное и частное имущество и, наконец, изготовить к плаванью сами суда. К 3 апреля все работы были уже окончены, и даже казенное имущество, которое не могли поместить на суда, вывезли во внутрь страны. Пропилившись сквозь лед в Малой губе, эскадра вышла из Авачинской губы в числе 6-ти судов: фрегат «Аврора», транспорты: «Двина», «Иртыш» и «Байкал», корвет «Оливуца» и бот № 1-й. На эскадре было 282 челов. пассажиров.

1 мая эскадра благополучно прибыла в залив де-Кастри, где были высажены все пассажиры. 8 мая подошла к заливу неприятельская эскадра, состоя-

шая из трех судов, из коих один винтовой корвет, подойдя к нашим судам на пушечный выстрел, открыл огонь по корвету «Оливуца», не причинив, впрочем, ему никакого вреда. «Оливуца» отвечал немедленно. К вечеру неприятельская эскадра скрылась.

Между тем контр-адмирал Завойко, осведомившийся от посланного на шлюпке офицера, что мыс Лазарева очистился уже ото льда, в ночь на 16 мая вышел со своим отрядом в море для следования в Амурский лиман и с 19 по 24 мая суда наши постепенно подходили к мысу Лазарева. В то же время прибыл в лиман на американском купеческом судне капитан-лейтенант Лесовский с 8 офицерами и 150 нижними чинами с потерпевшего крушение фрегата «Диана», а 5 июня пришел к мысу Лазарева вице-адмирал Путятин на построенной им шкуне *Xeda*. Остальная же команда фрегата «Диана» отправлена была к устью Амура на бременском бриге *Greta* с лейтенантом Мусиным-Пушкиным; но бриг этот был достигнут у острова Сахалин английским военным пароходом *Barracuta*, а находящаяся на нем команда была взята в плен.

Отправив от мыса Лазарева транспортные суда в Амур, контр-адмирал Завойко устроил на мысу батарею и приготовился с остальными судами к бою, ожидая немедленного прибытия в лиман неприятельской эскадры. Но, не видя преследования, эскадра наша 22 июня перешла ближе к Амуру, к островам *Хазимиф* и потом в Амур, сняв батарею на мысе Лазарева. Таким образом, эскадра наша благополучно миновала встречи с неприятельской эскадрой, состав которой на этот раз был значительно усилен.

Намереваясь отомстить защитникам Петропавловского порта за прошлогоднее поражение, неприятель 3 июня 1855 г. прибыл в Петропавловский порт и к своему удивлению не нашел там ни судов, ни военной команды. Но чтобы чем-нибудь ознаменовать свое посещение, он выжег в незащищенном порте все здания, которые считал казенными. Потом неприятельская эскадра два раза посетила Аянский порт, проведя там мелкие грабежи частной собственности и, наконец, 3 октября три неприятельских судна прибыли в де-Кастри, намереваясь высадить десант; но два горных орудия и 120 солдат принудили десант возвратиться на суда.

Так и окончились неприязненные действия англо-французской эскадры у наших азиатских владений в 1855 году. В 1856 г. английский фрегат *Pique* под командою капитана Никольсона, который в 1855 г. разграбил компанейское селение на о-ве Уруп после заключения уже мира, вошел в Императорскую гавань и сжег там здания поста, назвав ее заливом *Барракута*. Другое французское судно зашло в залив Посьета, открытый адмиралом Путягиным в 1854 г., и назвало его рейдом *Наполеона*. Весною 1856 г. вместо контр-адмирала Завойко был назначен военным губернатором капитан 1-го ранга Казакевич.

По заключении мира фрегат «Аврора», корвет «Оливуца» и транспорт «Двина» с их командами по распоряжению высшего начальства были отправлены в 1856 г. в Кронштадт.

В Камчатке же вслед за последней кипучей деятельностью настала невозмутимая тишина, нарушаемая только приходом раз в год казенного судна с провиантом и нескольких американских китобойных судов. С переносом приморского управления в Николаевск и с образованием в 1856 г. Приморской области, Камчатский полуостров вошел в состав этой новой области в виде отдельного округа — *Петропавловского*, для управления которым положен по штату исправник с помощником, да для заведования Петропавловским портом командирован по распоряжению местного начальства один из помощников капитана над портом.

Кончая свой обзор событий в Камчатке, мы не делаем никаких выводов и заключений из приведенных нами фактов, потому что задача наша заключалась только в подготовке материалов для будущего историка.

Ниже вниманию читателей предлагается вышедшая в 1823 г. работа историка российского флота В. Н. Берха «Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества». К этому труду многократно обращались исследователи последующих поколений, изучавшие историю географических открытий в дальневосточных морях и северной части Тихого океана. Здесь же приведены приложения к работе «Известие о меховой торговле, производимой россиянами при островах Курильских, Алеутских и северо-западном берегу Америки» и «Примечание к ведомостям о вывезенной мягкой рухляди». Их оригиналы на Камчатке отсутствуют. Текст воспроизводится по ксерокопии, любезно предоставленной в наше распоряжение сотрудниками Камчатского государственного объединенного музея.

В. Н. БЕРХ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ, ИЛИ ПОДВИГИ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Василий Николаевич Берх (1781—1834) — географ, полковник корпуса флотских штурманов. В 1799 г. окончил Морской корпус, в 1803—1806 гг., будучи мичманом, принял участие в первом русском кругосветном плавании на шлюпе «Нева». В 1808 г. составил карту Русской Америки. С 1809 по 1821 гг., находясь в отставке, опубликовал ряд работ и переводов по морской тематике. Работал в архиве Адмиралтейского департамента, на основании материалов которого написал ряд трудов по истории России и флота. В 1828 г. назначен историком русского флота. Основные работы: «Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны» (1821—1823 гг.), «Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества» (1823 г.), «Первое морское путешествие россиян... совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством Витуса Беринга» (1823 г.), «Жизнеописание первых российских адмиралов или опыт истории флота» (1831—1836 гг.).

Именем В. Н. Берха названы остров в Баренцевом море в группе островов Новая земля и мыс на Новой Земле [Морской энциклопедический словарь. — Т. 1. — Л., 1991. — С. 142].

...1743. Первый, покусившийся на отважное предприятие плыть за бобрами, был сержант нижекамчатской команды *Емельян Басов*. Предприимчивый воин сей, взирая равнодушно на богатства, вывезенные спутниками Беринга и Чирикова, решил, подобно Язону, плыть сам за золотым руном. Вступив в сотоварищество с московским купцом Андреем Серебренниковым, построил он маленький шитик, именовал оный *Капитоном* и отправился на малом и ненадежном судне сем летом 1743 года в море.

Кто был у него штурманом или, как тогда называли, *мореходом*, не известно; но по запискам Большерецкой канцелярии видно, что он доходил

только до Берингова острова и, проведя там зиму, возвратился на следующий год в Камчатку. Неизвестно, богат ли был груз сего судна.

1745. В сем году отправился Басов вторично в море, приняв к себе в товарищи иркутского купца *Никифора Трапезникова*. На Беринговом острове и двух к нему от онаго лежащих собрали они 1 600 морских бобров, 2 000 котиков и столько же голубых песцов. Басов возвратился 31 июля 1746 года и показал соотечественникам новую дорогу к обширной и богатой промышленности.

Приложенная при сем приписка из рапорта Басова открывает, что он совершил еще одно путешествие. Басов умер около 1754. После него осталась одна дочь, которую г. Лапин знал лично. Рапорт сей получил я от г. капитан-лейтенанта кн. Шаховского, который отыскал оный в охотском архиве. Видно, что Басов был не токмо предприимчивый человек, но умный и полезный сын своего отечества.

В канцелярию Охотского порта от сержанта Емельяна Басова покорнейший рапорт.

По вступлении моем с козаками в морской вояж в прошлом 1747 году, для прииску неведомых островов на судне *Петр* шитике, на своем собственном коште... прибыли на прежде обысканной второй малый остров в августе (вероятно, на Медный)... на лайдах собрано самородной меди 50 фунтов. На том же острове в полунощной стороне нашли незнаемую вещь, руда ли она или какая незнаемая вещь, которой взято и привезено фунта с два. Да найдено на берегу служителями 205 камешков больших и малых, в том числе два желтых, один малиновый. Да еще найдена новокуръезная рыбка... Вывезено нами в Нижний Камчатской острог: бобров, кошлаков и маток 970, хвостов бобровых тож число, песцов голубых 1 520. И оные звери разделены обще всем по паям; кто со мною в вышеупомянутом вояже был... *Сержант Емельян Басов.*

Когда рапорт Басова препровожден был в Правительствующий Сенат, то послан был из онаго указ в государственную Адмиралтейств-Коллегию, дабы она, составя обстоятельную карту плаваниям капитанов Беринга и Чирикова, вместе с выписками из журналов их доставило бы оную в Сенат для отсылки к Сибирскому губернатору. Коллегия поручила исполнение дела сего знаменитому гидрографу нашему, адмиралу *Алексею Ивановичу Нагаеву*, который и составил из всех прежних сведений выписку, приложив к оной карту, коею и руководствовались все промышленники, плававшие к Алеутским островам.

Почтенный издатель Сибирского вестника *Г. И. Спасский* поместил в 4-й книжке своего журнала за 1822 год *описание Медного острова* и приложил карту онаго. Судя по последней, надобно заключить, что Басов собрал главнейшее количество мехов на Медном; ибо по северо-восточную сторону онаго видны две губы: Басовская и Петровская (по имени судна). Из описа-

ния же видно, что Басов и зимовал здесь в 1749 году; ибо 1750 года апреля 7 дня, как по стоявшему там кресту видно, задавлен навесом команды его новокрещенный Ефим Кузнецов. Следовательно, Басов отправлялся четыре раза на острова, то есть в 1743, 1745, 1747 и 1749 годах.

Удачное возвращение Басова из первого путешествия произвело тотчас соревнователей прибытком его. Некто Яков Чупров и купцы: лальской Чебаевской и иркутской Трапезников построили малое судно, *Евдокею* названное, препоручили оное тобольскому крестьянину Михаилу Неводчикову и выслали его в сентябре 1745 года в море.

Вышеупомянутый соликамский купец Иван Савич Лапин был лично знаком с Неводчиковым, рассказывал мне, что он служил у капитан-командора Беринга во время плавания его к берегам Америки (1741). Неводчиков был серебряник из Устьяга, и пошел искать фортуны в Сибирь; не встречая ее нигде, пришел он в Камчатку, и здесь, как безпашпортный, взят был в казенную службу. Г. Лапин показывал мне серебряную табакерку работы Неводчикова.

Хотя Басов составил весь груз свой на Беринговом острове; но Неводчиков устремил путь свой совершенно в другую сторону. Вышедши 19 сентября из устья реки Камчатки, прибыл он по шестидневном плавании к тем островам, кои Беринг назвал островами обмана (ближние Алеутские острова). Надобно полагать, что направление сие взял Неводчиков по собственному знанию, или по совету спутников несчастного капитан-командора.

Миновав первый остров, стал Неводчиков на якоре подле второго. На другой день собралось на берегу около ста человек диких, и путешественники, не посмев выступить на оный, кидали им разные вещи в подарок. 26 числа съехал Чупров с несколькими людьми, дабы заpastись свежеею водою. Он встречал в разных местах диких обитателей сего острова, делал им подарки и получил в замену оных булаву, оконечность которой представляла тюленью голову. Дикие, одарившие его сим оружием, начали требовать находившееся у него в руках ружье; но как Чупров, не соглашаясь на сие, шел к гребному судну, то они, преследуя его, схватили веревку, которую оно прикреплено было к берегу. Неожиданная наглость сия заставила Чупрова выстрелить из ружья, и при сем случае ранен был один островитянин пулею. Сотоварищи, увидя кровь на теле его, скинули с себя накидки и понесли его в воду мыть.

Неприятное происшествие сие заставило Неводчикова перейти к первому острову и расположиться там зимовать. Дикие при появлении здесь россиян кинулись в горы; но Чупров послал своих промышленников захватить одного из них, в чем хотя они и успели, но должны были сражаться с сим народом. Вскоре после сего унесло судно *Евдокию* в море, и по 7-ми дневному плаванию принесло опять к сему же острову. Со вторичного прибытия начали островитяне быть ласковее к русским и производили с ними охотно

мену. Чупров, желая иметь обстоятельнейшее известие об острове сем, послал служителя Алексея Беляева с 10 человеками обойти оный в разных направлениях. Не известно, по буйству ли или необходимости вступил Беляев с островитянами в бой; в допросах, кои впоследствии отобраны от его сотоварищей, показано, что они застрелили около 15 человек островитян. Кокс говорит, что сражение произошло за женщин, коих Беляев хотел взять силою, и за железный болт, которого не хотели возвратить ему.

Собрав во время годового здесь пребывания множество разных звериных кож, вышел Неводчиков 14 сентября 1746 года в море. Обратное плавание его было весьма несчастливо: до 30 октября был он носим жестокими ветрами, а в сей день разбило судно его при Карагинском острове (остров Карага находится к северу от реки Камчатки и обитаем коряками). При сем несчастном случае потеряли путешественники весь груз свой и должны были провести здесь зиму. В июле 1746 года возвратились они в Камчатку с тремястами бобров и малой частию экипажа; ибо 32 человека из онаго лишились разными случаями жизни.

Донос, сделанный казаком Шехурдиным, бывшим при сборе ясака, что сопутники его поступали весьма жестоко с дикими, был причиною, что всех остальных предали суду.

На судне сем вывезен был один островитянин по имени Темнак, который, обучась впоследствии российскому языку, сказывал, что остров, на коем он обитал, именуется Атт, и что неподалеку от онаго находится остров Шемя, жители коего крестятся и имеют огнестрельное оружие. Надобно полагать, что его нехорошо поняли; ибо ничего подобного на острове сем не найдено. Когда известие об открытии островов сих дошло до сведения императрицы Елизаветы Петровны, то Неводчикова произвели по именному указу в подштурманы, и в звании сем продолжал он службу при Охотском порте.

Весь груз судна оценен был, как видно по первым запискам, в 19 200 рублей. Там же упоминается, что судно *Евдокия* разбилось в 1754 году; но в каком месте, о том нет сведения.

Известия о новообретенных островах, изобилующих морскими бобрами, чрезвычайно богатый груз Басова судна, который по тогдашней дешевизне вещей и ценности денег можно теперь оценить в полмиллиона рублей, оживили предприимчивость сибирских жителей. В 1746 году отправились за промыслом два судна с дозволения Большерецкой канцелярии, которая, руководствуясь старинными узконениями о ясаке, посадила на оныя козаков для сбора сего. Первое из этих судов, шитик *Иоани*, принадлежало купцам: тотемскому *Федору Холодильову*, иркутским *Трапезникову* и *Балину* и ярославскому *Жукову*: мореходом был на оном селенгинский купец *Андреян Толстых*, который в истории первых путешествий к Алеутским островам заслуживает предпочтительное внимание.

Андреян Толстых вышел в море с экипажем, состоявшим из 46 промышленников и 6 казаков, направил путь свой к Берингову острову и, проведя на оном зиму, пошел следующей весною к югу; вероятно, хотел Толстых отыскивать тот остров, о признаках коего доставили ему сведение сопутники Беринга. Знаменитый адъюнк-профессор Штеллер, находившийся в 1741 году на пакетботе *Петр* у капитан-командора Беринга, говорит в своем журнале: «Июня 22 числа видели мы очень явственные признаки близости земли: во время тихой погоды окружило судно наше множество морских растений такого рода, кои, как известно, не отдаляются от берегов на большое расстояние, а вслед за оными летели птицы, кои не любят залетать далеко в море. Нет никакого сомнения, что на юг или юго-восток от курса нашего должна была находиться земля».

По журналу пакетбота *Петра*, веденному штурманом Гейсельбергом, видно, что 12 июня 1741 года была в полдень широта 45°14', долгота к востоку от Петропавловской гавани 14°14' или 172°44' в востоке от Гринвича. На карте, изданной в 1781 году под заглавием: *Карта новых открытий на Восточном океане*, поставлен знак на меридиане 190° к востоку от о. Феро в широте 48° и сказано: *страна, кою видел Штеллер, сопутник Беринга*.

Не обретя на пути сем никаких островов, поплыл Толстых опять к северу, и в августе 1748 года прибыл благополучно в Нижнекамчатск. Груз сего судна, по неудачному промыслу, состоял только из 300 бобров и 1 500 песцов.

1746. Второе судно принадлежало какому-то Андрею Всевидову и имело 46 человек промышленников и 8 казаков. О путешествии сем нет никаких известий, а надобно только заключить по вышеприведенному описанию о Медном острове, что он провел там первую зиму; ибо по северо-западной стороне онаго есть гавань, именуемая Всевидовскою. В описании о Медном острове сказано, что 2-го марта 1747 года упали с утеса промышленники Юрлов и Вторых, и ушиблись до смерти.

Всевидов возвратился в июне 1742 года, но не известно, с каким грузом.

1747. В сем же году отправилось еще одно судно, именовавшееся шитиком *Иоанном*. Оно принадлежало московскому купцу Ивану Рыбинскому и ярославскому Степану Тырину. Путешественники сии, пробыв 2 года на ближних Алеутских островах, возвратились в 1749 году с 1 000 морских бобров и 2 000 песцов. Груз сей, как видно по запискам, продан за 52 590 рублей.

Значительные прибыли, полученные первыми мореплавателями с новообращенных островов, произвели всеобщую страсть к морским путешествиям. Купцы, захавшие на Камчатку для торгу с жителями страны сей, хотя и бесплодной, но изобильной разными зверьями, прельстясь успехами товарищей своих, оставляли настоящие занятия и плыли также за бобрами.

В сем году поверенные соливычегородского купца Ивана Жилкина, *Афанасий Бахов* из Устюга и *Новиков* из Якутска совершили значительное пу-

тешествие. Они построили на реке Анадыре судно, названное ими *Перкуп и Зант*, и пошли с оным вниз по реке чрез Копейкинское и Онеменское устья, где, встретив большие препятствия от песчаных отмелей, достигли до большого залива. Проходя в устье онаго, имели они в левой руке берег и прилежащий камень, от коего на 40 сажень вправо была глубина до 20 фут.

Плыв на *ОНО* около 50 верст, обошли они песчаный мыс, простирающийся к чукотскому берегу, и достигли до моря.

С 10 июля по 30 число удерживали их противные ветры подле самого берега, а посему, зашедши за мыс Св. Фаддея, вошли они в устье речки Хатырки, где нашли ясачных коряков. Ширина реки сей при устье 3 сажени, а глубина около четырех; она изобилует рыбою. Вышедши отсюда неизвестно когда, достигли предприимчивые мореплаватели сии до Берингова острова и 15 сентября положили при оном якорь. Октября 30 сделался жестокий шторм, и как почти вся команда была занята промыслом зверей, то судно их, не удержавшись на якоре, брошено было ветром на камни и разбилось вдребезги.

В сем несчастном положении прибегли Бахов и Новиков к остаткам Берингова корабля, из коих с помощью выкидного леса и построили они судно в 17 аршин длиною, которое и назвали *Капитоном*. Следующего лета выступили они в море и были еще столь предприимчивы, что пошли к *НО*; на пути сем видели они землю, и ежели бы продолжали оный с решительной твердостью, то первые бы открыли матерой берег Америки, о котором все сведения основывались тогда на одних догадках. Но, потеряв во время тумана из виду помянутую землю, поворотили они назад, простояли несколько времени у Медного острова, и прибыли в 1749 году в августе в Камчатку. Груз судна сего оценен был только в 4 780 рублей.

1749. Кроме купеческих компаний, отправлялись еще на первые острова и казаки на малых судах или байдарах. Поелику расстояние от Кроноцкого носа до Берингова острова с небольшим двести верст, то совершали они плавания сии иногда весьма удачно. Ежели, к несчастью, застигал их на половине пути сильный противный ветер, то соделывались они почти всегда жертвою онаго. Около сего времени случилось обстоятельство, которое остановило предприимчивость козаков. Известно, что корабль знаменитого капитан-командора Беринга разбило на острове, названном его именем, и что спутники его, построив маленькое судно, выехали на оном в Камчатку, оставя там такелаж, артиллерию и часть корабельных припасов.

Все сие казенное имущество оказалось впоследствии расхищенным, а посему и воспрещено было приставать к Берингову острову. У Бахова же и Новикова взяли построенное ими судно в казну. Надобно, однако же, полагать, что повеление сие было дано только Большерецкою канцелярию; ибо вскоре после сего начали опять все приставать к Берингову острову.

Упомянутый выше Андреян Толстых, который в прежнее плавание, следуя к югу, не нашел никаких островов, пустился опять в 1749 году на прежнем судне своем в море. Он пошел прямо к островам, открытым Михайлом Неводчиковым и, проведя на оных две зимы, возвратился в июле 1752 года с 1 700 морских бобров и 700 песцов. Толстых лишился во время пребывания у сих островов двух камчадалов, которых островитяне убили без всякой причины.

1749. Предприимчивый иркутский купец *Никифор Трапезников*, получа позволение плыть на Алеутские острова с тем, что сверх ясака отдаст в казну десятую часть всех промышленных им зверей, построил судно, назвал оное *Борисом и Глебом* и в августе 1749 года вышел в море. Пробыв на разных островах четыре зимы, возвратился Трапезников в 1753 году с грузом, оцененным в 105 730 рублей. Для сбора ясака находился на судне сем козак Сила Шивырин. Путешествие сие достойно особенного внимания, потому что в оное открыл Трапезников большой остров Атху.

1749. Вышеупомянутые купцы Рыбинской и Тырин отправили в сем году опять тот же шитик *Иоанн* на ближние острова. О плавании онаго нет никакого известия; а видно только по запискам, что оно возвратилось в августе 1752 года с 700 бобрами и 700 песцами. Шитик сей был самое счастливое мореходное судно, ибо по вышеупомянутым запискам видно, что оно продолжало плаванья свои до 1763 года и промыслило всего вообще 5 000 бобров.

Сказав выше, каким образом снаряжались суда сии для путешествий, должен я также упомянуть о команде или экипаже оных. Когда кто из упомянутых купцов намеревался отправить судно на острова для промысла, то извещал о сем комиссионеров своих в Иркутске, Якутске или Киренске обитавших, дабы они соглашали промышленников для вступления к ним на судно. Прикащики, наняв несколько человек, снабжали их достаточною одеждою и высылали в место назначения. По прибытии туда употребляли людей сих к вооружению судна и прочим подобным занятиям. Можно легко уразуметь, как способны были новые матросы сии, не видавшие никогда моря, к корабельной работе!

Пред самым отправлением сочинялся список паям, вносился в книгу, и каждый должен был подписаться под оным или поставить свой знак. Ежели бы, например, какое судно имело 40 человек экипажу вместе с мореходом и передовщиком (корабельным прикащиком), то считали они 45, 46, а иногда и 48 паев. При возвращении делили весь груз мехов по числу наличного экипажа, а из лишних пяти или шести паев давали три мореходу, два передовщику и один в церковь или училище; потом брал себе хозяин половину из остальных 40 паев, а другую делили между собою промышленники по жеребьям. Случалось, что по окончании счастливого путешествия доставалось

каждому промышленнику от полупая его мехов на две и на три тысячи рублей; но ежели вывоз был не так удачен, то несчастные странники сии оставались в вечном долгу у хозяев своих.

1750. Иркутский купец Емельян Югов испросил у Правительствующего Сената позволение построить четыре судна и промышленять зверей при островах, против Олюторска лежащих, с тем, что десятину из всех мехов отдает он в казну; но вместо четырех судов построил Югов только один бот, названный *Св. Иоанном*, и вышел на оном сам 6 октября 1750 года с экипажем 27 человек в море. Первое плавание его было весьма несчастливо: буря прибила бот *Иона* к камчатским берегам, где он и провел еще зиму.

В 1751 году вышел Югов опять в море и, проведя 3 года на разных островах, окончил жизнь свою на Беринговом острове; судно же его возвратилось в июле 1754 года с 790 бобрами, 755 хвостами, 7 044 голубыми песцами и 2 222 морскими котами.

Кокс говорит, что по возвращении судна сего взят был по указу из Иркутска весь груз онаго в казну. Ослушание Югова принять к себе на судно морского чиновника было виною сей меры. Но вскоре возвратили хозяевам весь промысел, удержав только, по условию, третью часть.

Благополучное возвращение Югова судна и вывезенное на нем богатство послужили новым поощрением для купечества. В Охотске и Камчатке начали строить суда с большою поспешностью; но как о корабельной архитектуре имели в тех местах самое слабое понятие, то до 1760 года совершали сии аргонавты плаванья свои на шитиках, шерботах и тому подобных судах, которые обыкновенно строились без железа и были столь слабо укреплены, что едва могли противостоять малейшим усилиям ветра и непостоянству той стихии, на которой они основывали все будущее свое благополучие. Ежели исчислить все трудности и препятствия, которые мореплаватели сии должны были переносить, то нельзя не отдать справедливости их истинно геройскому терпению.

Во-первых, надобно начать с того, что по собрании охотников или промышленников должны они были строить корабли свои без всякого познания о науке кораблестроения из сырого и только что срубленного леса. Снасти, такелаж или веревки и канаты надобно им было выписывать из Якутска, откуда они привозились развитые. Муку, мясо и прочую провизию закупали они в Киренске и Якутске по высоким ценам. Снарядив таким образом судно свое, должны они были плыть бурным Охотским морем или около берегов камчатских, усеянных множеством подводных камней. Но ежели и миновав сии опасности, достигали они до какого-нибудь острова, то, вытащив корабль на берег, должны были отрядить половину команды на ловлю песцов и лисиц, а с другою, держа меч в руке, готовить мясо морских львов и жир китовый для пищи на всю зиму. Итак, повторю я еще раз, что претерпевае-

мые сими плавателями трудности едва могли быть достойно вознаграждены самым благополучным промыслом.

Миллер говорит, что в 1746 году стоил каждый пуд железа по доставке в Охотск 20 рублей, пенька 15, парусины 25 копеек аршин, прядева 40 рублей пуд. Бобра же продавали в Камчатке от 20 до 40 рублей, а на Кяхте отдавали гуртом в смену от 60 до 70 рублей.

1750. В сем году отправилось судно купца Рыбинского, названное по имени *Святых Симеона и Анны*, под командою козака Воробьева. Экипаж онаго состоял из 14 русских промышленников и 30 камчадалов. Воробьев, зная только по одному слуху о положении Медного острова, направил путь свой к оному, но бурю прибило его к одному из малых островов, лежащих близ Берингова, где корабль его и претерпел крушение. Храбрый козак не пришел от сего случая в уныние, но построил себе малое судно, назвал оное *Иеремиею* и возвратился в 1752 году благополучно в Камчатку. Груз судна сего состоял из 1 980 бобров разных качеств.

1752. Счастливые успехи первых покушений побудили Никифора Трапезникова отправить в сем году опять то же судно: *Борис и Глеб*, поруча оное в управление курскому купцу Алексею Дружинину. Мореход сей, вступя в море, направил путь свой к Беринговому острову, но по неизвестным причинам разбил о утесистые берега онаго судно свое. Видно, что крушение последовало недалеко от берега; ибо мореплаватели сии построили скоро из остатков корабля своего новый.

Желая посетить дальние острова, отправились они вторично в море; но несчастный рок принес опять их к Беринговому же острову и заставил претерпеть вторичное кораблекрушение. К счастью их зашел сюда скоро Трапезникова же бот *Николай*, на коем они впоследствии выплыли в Камчатку с грузом в 3 474 рубля.

1753. В сем году отличнейшие и предприимчивейшие торговцы того времени московский купец Андрей Михайлов Серебренников, тотемский Федор Холодилов и тульский Семен Красильников, построя по кораблю, решили отправить оные для открытия новых островов и описания *большой земли*: сим именем называли в те времена матерый берег Америки.

Серебренниково судно с 34 человеками экипажа и посланным для сбора ясака козаком Максимом Лазаревым, находясь под командою архангелогородца Петра Башмакова, вышло в море в июле месяце и, направляя путь свой к востоку, прибыло к островам неизвестным. Простояв у оных некоторое время, корабль унесен был бурю в море, где мореплаватели сии видели еще четыре острова; но, не имея нужных познаний для ведения корабельного счисления, не могли определить настоящего их места на карте. Бурная погода, не позволив Башмакову пристать к островам сим, отнесла его еще далее

к востоку, где он опять увидел три острова, и у одного из оных разбил корабль свой. По выходе на берег встретили жители несчастных мореплавателей сих вооруженную рукою и метали стрелы свои с дощечки, но огнестрельным оружием были они скоро прогнаны.

По описанию Башмакова, остров, на котором они находились, был длиною в 70 верст, и вокруг него лежало еще 12 разной величины. Лесу на оном совсем не было; у жителей вышиты были разными узорами лица. Сообразя известие сие с положением Алеутской гряды, выходит, что корабль сей разбился неподалеку от острова Умнака; ибо вблизи онаго находится много мелких островов. Граф Беневский, живший на Камчатке в 1771 году, приписывает также Серебренникову открытие Лисьих островов; но говорит, что он ходил только 29° к востоку от Большерецкого меридиана. В сем случае ошибка мореход Башмаков на 5° в долготе.

На сем острове пробыли они до июня 1754 года и, построив из остатков разбившегося корабля свое маленькое судно, направили путь к Камчатке. Не зная настоящего местоположения своего, пошли они гораздо севернее и пристали к берегу при устье речки Хатырки, южнее мыса Св. Фаддея. Здесь собрали они 140 моржовых зубов и достигли благополучно до Нижнекамчатска. О грузе сего судна нет никаких известий; но, судя по запискам Кокса, видно, что он был незначителен. По донесению Андреяна Толстых видно, что Башмаков претерпел еще раз кораблекрушение. Толстых, прибыв в 1764 году к острову Атту, нашел там Башмакова с несколькими товарищами и извещился от них, что они галиот свой *Петр и Павел*, принадлежавший яренскому купцу Степану Тырину, разбили.

1753. Холодильное судно вышло в море в августе сего года и, следуя правилу прежних путешественников, зашло зимовать на Берингов остров, где и лишилось при опрокинутии байдары, девяти человек экипажа. В июне следующего года вступило оно опять в море, и находилось в великой опасности от жестокой бури, во время которой открылась в оном сильная течь. К счастью, принесло судно сие неизвестно к какому-то Алеутскому острову, где оно и остановилось зимовать.

Весною приходил к путешественникам сим камчадал с коряком и рассказывал, что их бежало 6 человек с Трапезникова корабля в намерении остаться здесь жить; но как четверо их товарищей изобличены были в не позволенном обращении с женами островитян, то они и убили их на месте преступления. Нам же, продолжали повествователи, позволили они выбрать себе жен, и мы живем здесь с ними весьма дружелюбно.

Сие Холодильное судно, назначенное для открытия новых островов, вместо успеха в настоящем намерении своем собрало только 1 600 бобров и возвратилось в 1755 году в Камчатку.

1754. Красильниково судно, опоздав выйти вместе с двумя вышеупомянутыми, отправилось в море на следующий год и, прозимовав на Берингове острове, пошло в августе 1755 года делать открытия. По десятидневном плавании принесло корабль сей к одному неизвестному Алеутскому острову; но как толпа вооруженных жителей восприпятствовала им пристать здесь, то и поворотили они к Медному, где в бурю корабль их разбило, и все остатки онаго унесло в море. При крушении сем погибла также часть команды; остальные люди с сего несчастного корабля перебрались на байдаре на Берингов остров и были впоследствии вывезены на Трапезниковом корабле в Камчатку с грузом, состоявшим из 150 бобров и 2 000 голубых песцов.

Итак, из всей экспедиции, снаряженной для открытий, один только Серебrenиков достоин истинного уважения. Не следуя старому правилу своих товарищей провести первую зиму на Беринговом острове, пошел он прямо искать новых островов и открыл оных довольно значительное число.

1754. В сем году отправлен был Никифором Трапезниковым бот *Николай* под командою козака Дурнева. Сибирский мореплавателю сей направил путь свой прямо к ближним Алеутским островам, куда и прибыл по 10-дневном плавании. По описанию Дурнева, было в то время на всех островах сих только 60 человек жителей. Дикари сии приняли его весьма дружелюбно и уведомили, что к востоку находится еще несколько островов.

Весьма замечательно, что на одном из сих островов нашел козак-мореходец три круглые медные доски, на коих вырезаны были буквы, украшенные лавровыми ветвями. Знаменитый Паллас, из сочинения которого почерпнул я описание, полагает, что доски сии были выброшены морем на остров. Не отрицая его мнения, скажу читателю, что я видел у одного сибирского старожилы разные изображения идолов, зверей и людей из мамонтовой кости, алеутами сделанные, которые меня весьма удивили и заставили заключить, что алеуты были прежде не то, что они теперь.

Дурнев, пробыв здесь две зимы, пошел к востоку, нашел один неизвестный остров и возвратился в 1757 году с грузом, который был тогда оценен в 187 268 рублей.

1756. Упомянутые купцы Трапезников, Балин и Жуков отправили еще в сем году одно судно, именованное *Адрианом и Наталиею*. Начальство над оным поручили они отличнейшему мореплавателю тех времен селенгинскому купцу Андреяну Толстых, который и вышел в августе в море с экипажем из 38 россиян и камчадалов. От устья реки Камчатки направил Толстых путь свой прямо к Беринговому острову, где и остался зимовать, как для запаса провизии, так равно и для промысла. Хотя в первом и имел он хороший успех, но не убил ни одного бобра, ибо, к удивлению, они в сей год даже и не показывались у Берингова острова.

Июля 13-го 1757 года пошел Толстых к острову Атту и застал там Трапезникова бот *Николай*, выходящий из гавани и сопровождаемый тойоном и несколькими жителями. Благоприятный случай сей доставил к Толстому все нужные сведения и средство к убеждению тойона платить ясак, который Большерецкая канцелярия велела ему собрать со всех островов. По указу сей же канцелярии убеждал он тойона ехать с ним в Камчатку; но он никак на сие не согласился.

Проведя здесь один год в мире и согласии с жителями, отправился Толстых в обратный путь и достиг благополучно до Камчатки. Груз его судна, собранный в 12 месяцев, подает нам идею о том множестве бобров, коими Алеутские острова прежде изобиловали: он состоял из 5 360 бобров разных доброт и 1 190 песцов.

1757. Мы видели, что малое судно *Kanuton*, построенное Басовым и Новиковым на Беринговом острове, отобрано было от них в казну; но как солевычегородский купец Иван Жилкин просил и доказывал, что оно по всем правам принадлежало ему, то в вознаграждение за претерпенные им убытки и отдали ему судно его через 7 лет. Жилкин, обрадованный сим решением, отправил оное немедленно в море под командою козака Игнатия Студенцова. Едва только успел козак-начальник отойти некоторое пространство от берегов камчатских, то шторм прибил его опять к оным и поставил судно на мель. Потеря руля и повреждение подводной части были причинами, что Жилкин не мог отправить онаго в сем году на Алеутские острова.

На следующее лето, говорит Кокс, отправился Студенцов в море только с 39 человеками экипажа, ибо многие остались на берегу за болезнью. Козак пошел прямо к Беринговому острову и, проведя здесь несколько времени, поплыл в августе к ближним Алеутским островам. Претерпев жесткие штормы, направил Студенцов путь свой к востоку и пришел к одному неизвестному острову, где и положил якорь. На посланных им на берег людей напало такое превосходное число островитян, что они, убоясь выступить на оный, возвратились к судну; но едва успели они пристать к оному, как жестокий шторм, сорвав малый корабль их с якоря, бросил на каменный риф ближнего острова, в недельном расстоянии от вышеупомянутого. Хотя при сем несчастном случае и выбралась вся команда на берег, но спасла только малую часть провизии и огнестрельного оружия.

Удрученные сим несчастным приключением и утомленные от борьбы с водою, которая в сентябре довольно холодна, не успели еще принять отдыха, как увидели большую байдару, гребущую с поспешностию к месту их пристанища.

В сие время было только 15 человек, способных к защите; но, не взирая на сие, пошли они бодро островитянам навстречу. Николай Чупров, бывший прежде в местах сих и знавший язык сего народа, начал их убеждать оставить

неприятные меры и обойтись с ними, как с друзьями, претерпевшими несчастное кораблекрушение. Речь его не произвела ни малейшего действия над неистовыми островитянами: они пустили в ответ на оную тучу стрел. Коварный поступок сей огорчил россиян; они сделали залп из ружей и положили двух на месте. Островитяне, убоясь сей невыгодной битвы, вскочили немедленно в байдару свою и, невзирая на то, что в помощь шла им другая, отвалили от острова и погребли через пролив к ближнему [острову].

Несчастные страдальцы претерпели от сентября по 23 апреля все ужасы голодной смерти. Лучшая пища их состояла из морских ракушек и звериных кож, кои иногда выбрасывало на берег с погибшего их судна. От стужи и пищи сей умерло 17 человек, да и остальные не избежали бы сего жребия, ежели бы к счастью не нашли выкинутого на берег кита. Проведя две зимы на бесплодном острове сем, успели они построить из выкидного леса малое судно и, набив 230 бобров, отправились в море. Вскоре достигли они до одного острова, где стояло Серебрениково судно, но располагая положить при оном якорь, разбили опять судно свое и лишились всего груза и такелажа. На Серебрениковом судне возвратилоя их только тринадцать человек в Камчатку и, не взирая на то, что они пробыли четыре года в путешествии, находились все в такой в крайней бедности, что не имели даже одежды.

1758. Московский купец Никифоров, прибывший на Камчатку для торга, усмотрев, что товарищи его получают богатые грузы мягкой рухляди с Алеутских островов, построил в Нижнекамчатске маленький бот и назвал оный *Иулианом*. Мореходом на судно сие определил он яренского мещанина Степана Глотова, который по искусству и предприимчивости заслуживает особенное уважение. Козак Савин Пономарев отправлен был с Глотовым для приведения в подданство и обложения ясаком жителей Алеутской гряды. В просьбе, кою купец Никифоров испрашивал позволения отправить судно свое, означил он именно, что посылает оное для отыскания новых островов, не велел приставать к старым или уже известным островам.

Сентября 2-го, 1758 года вышел Глов в море и пошел на восток. Крепкие и противные ветры сбивали его 9 дней с настоящего пути и принесли 12 числа к Медному острову. Рассчитывая, что в столь позднее время года нельзя ожидать благоприятного плавания, решился Глов плыть к Беринговому острову и расположился там зимовать.

Августа 1-го 1759 года вышел Глов в море и плыл на восток тихими попутными ветрами 30 дней. Сентября 1-го пристал бот к неизвестному еще тогда острову Умнаку и расположился там зимовать. Миротлюбивое расположение жителей островов Умнака и Уналашки к россиянам было причиною, что Глов провел здесь три зимы и собрал значительный груз, состоявший из нескольких черных лисиц, 1 000 чернобурых, 1 000 сиводушек и 400 огневок. Мая 23-го 1762 года пустился Глов в обратный путь и, плыв

по северную сторону Алеутских островов, прибыл благополучно в реку Камчатку 31 августа.

Козак Пономарев доставил правительству довольно обстоятельную карту Алеутских островов, означа к северо-востоку от Уналашки 8 больших островов. В донесении своем пишет он, что составил оную вместе с промышленником тотемским купцом Петром Шишкиным.

1758. Купцы Никифор Трапезников и Семен Красильников снарядили в сем году два судна. О плавании одного, *Владимиром* именованного, отыскан обстоятельный журнал, а о другом нет никаких сведений. Судно *Св. Владимир*, имевшее 45 человек экипажу, находилось под командою подштурмана Дмитрия Пайкова. Для сбора казенного ясака был на оном козак Сава Шавырин. Пайков, вышед из устья реки Камчатки, положил через 23 часа якорь при Беринговом острове, где и остался зимовать.

Июля 16-го 1759 года вступил он вторично под паруса и взял южный курс. Всеобщая молва, что к югу от Алеутских островов находится земля, была виною сего предприятия. Читатель увидит впоследствии, что сия мысль была причиною гибели известного Андреяна Толстых.

Почтенный именитый гражданин города Соликамска Иван Савич Лапин, коему читал я тетради сии и обязан за многие материалы и пополнения, рассказывал мне следующее. Гаврило Пушкарев, умный козак, плававший в 1741 году с Берингом и зимовавший по разбитии судна на Беринговом острове, утверждал, что к югу от онаго должен непременно находиться остров. Бобры и коты, продолжал он, проведя лето при Беринговом и близ него лежащих островах, удаляются на зиму к югу; известно, что они не пристают ни к Камчатке, ни же к Курильским островам; и так где проводят они зимнее время? Пушкарев твердил многократно Лапину и Трапезникову: велите прежде отыскать те острова, где зимуют коты и бобры: тогда будет у вас успешный лов.

Неизвестно, в каких направлениях плавал Пайков и до какой широты спускался он к югу; по сведению о путешествии его видно только, что сентября 1 числа прибыл он к острову Атхе и, не находя здесь удобной гавани, перешел к острову Амле и расположился там зимовать. Следуя обыкновенному правилу, разделил передовщик Семен Полевой всю команду на три артели. Первую под предводительством Алексея Дружинина отправил он на остров Сигдак, вторую с козаком Шавыриным на Атху, а сам остался при судне.

С наступлением весны возвратились обе партии благополучно; один только русский был убит на Атхе; но полагали, что он был сам виною сего происшествия. Передовщик Полевой, поощренный успехами хорошего промысла, отрядил их опять на прежние места; но вскоре по отбытии людей сих получил он сведение, что козак Шавырин убит на Атхе со всеми одиннадцатью товарищами его. Дружинин, извещенный также о происшествии сем, прибыл немедленно к судну. Поелику потеря сих людей уменьшила команду судна

Св. Владимира чувствительным образом, то и положили все с общего согласия плыть обратно к Камчатке. Едва успели они сделать нужные к сему приготовления, то прибыл к острову Атхе купец Бечевин с командою, из 60 промышленников состоявшего. Неожиданное прибытие сие переменяло план Полевого, и он решился, соединясь с Бечевиным, продолжать промыслы вообще.

1759. Купец Рыбинской и товарищи его, узнав, что Пайков пошел отыскивать острова к югу от Алеутской гряды лежащие, снарядил для сего же намерения новое судно свое, именовавшееся *Петром и Павлом*. Известный Андрей Серебrenиков, бывший еще в сотовариществе с сержантом Басовым, отправился на оном в звании морехода и передовщика, и имел экипажу только 33 человека.

Неизвестно, долго ли плавал Серебrenиков южнее Алеутской гряды: все сведения о путешествии его ограничиваются только тем, что в 1761 году возвратился он в Нижнекамчатск с 2 000 бобрами, и не сделал никаких новых открытий.

1759. В сем году отправлено судно *Захария и Елизавета* на Алеутские острова от складственной компании купцов шуйского Постникова, тульского Красильникова и вологодских Кулаковых.

Мореходом и передовщиком был на оном Степан Черепанов, города Тотмы посадский. Судно сие было строено в Нижнекамчатске и прибыло первое в Охотск. Как далеко простиралось плавание его, неизвестно; но по количеству вывезенных мехов, между которыми не было вовсе лисиц, надобно заключить, что оно было только на ближних Алеутских островах. Судно сие возвратилось в 1762 году в Охотск с 1 750 бобрами и 530 голубыми песцами.

1760. Богатый иркутский купец Бечевин, отправлявший уже одно судно на Алеутские острова, об имени, грузе и плавании которого нет никаких известий, выслал в сем году еще другое из Большой реки.

Неизвестно, где строено было судно сие, в Большерецке или в Охотске; но замечательно, что оно превосходило величиною все суда, посланные до сего времени на Алеутские острова. Длина онаго была по килю 62 фута, а все прежние имели едва 45 футов по палубе.

Бечевин наименовал корабль свой *Гавриилом* и определил на оный 42 человека русских промышленников и 20 человек камчадалов. Большерецкая канцелярия отрядила на оное сержанта Пушкарева для сбора ясака. Неизвестно, кто был у Бечевина мореходом. Кокс, доставивший нам обстоятельное известие о плавании его, не говорит о сем ни слова, а называет только артельщиков: Андрея Жданова, Якова Шарыпова, Прокопия Лобашкова, Никифора Голодова и Афанасия Осколкова.

Июля 31 миновало судно *Св. Гавриил* Второй Курильский пролив и направило путь свой к дальним островам. Сентября 25 прибыло оно к острову Атхе и, как мы выше видели, соединилось в складственную компанию с *Св. Владимиром*. Проведя зиму в сем месте, промыслили наши мореплаватели около 900 бобров, 400 разнородных лисиц, несколько речных выдр и собрали 12 пуд. моржевых зубов.

В июне 1761 года распорядились компаньоны, чтоб *Св. Владимир*, побыв здесь несколько времени, отправился в Камчатку, а *Св. Гавриилу* назначили идти за поиском новых островов. Судно Бечевина, вышед в море, пристало к острову Умнаку и, запасшись водою, продолжало путь свой к западу. Вскоре прибыло оно к полуострову Аляксе и, нашед покойную гавань, расположилось там зимовать. Жители тамошних мест обошлись с россиянами весьма дружелюбно, торговали честно и даже дали им в аманаты детей своих; но мир сей и согласие господствовали недолго: буйные промышленники бечевинского судна подали скоро причину к раздорам.

В январе 1762 года Голодов и Пушкарев с партией 20 человек промышленных учинили насилие женщинам острова Унги. Островитяне, оскорбясь сим поступком, напали на них враспloch, убили Голодова, еще одного промышленника и ранили троих. Вскоре после сего сделали островитяне на россиян вторичное нападение, при котором четыре человека убито, столько же ранено, и шалаши их обращены в пепел. В мае Лобашков и еще один промышленник, пошед к теплым минеральным ключам, в расстоянии пяти верст от гавани находившимся, были там убиты. Неизвестно, чем отомстили россияне островитянам за первые нападения; но за сей поступок лишили жизни семерых аманатов. Через несколько дней учинили жители Аляксы в большем числе приступ к российскому жилищу; но как островитяне были заблаговременно примечены, то и прогнали их очень скоро огнестрельным оружием.

Усмотрев, что жители полуострова Аляксы начали промышленять о истреблении россиян, весь экипаж собрался на судно и, поставив паруса, отплыл к острову Умнаку. Здесь буйные промышленники бечевинской компании захватили несколько островитян с тем, чтобы они указали им путь к новым или еще неизвестным островам. Но едва выступили они в море, настала от востока жестокая буря, которая, продолжаясь несколько недель, лишила их сентября 23 числа мачт, руля и всего вооружения. К счастью, находились они в сие время близ камчатских берегов и занесены были 25 числа в малую гавань, к северу от Шипунского мыса лежащую, которая до сих пор известна под названием Бечевинской.

Груз сего судна состоял из 900 бобров и 350 лисиц. По запискам же г. Зеленского, оценен он был в 52 570 рублей.

По Коксову описанию видно, что главным виновником всех упомянутых беспорядков был сержант Пушкарев. Кокс говорит, что по прибытии к кам-

чатским берегам, когда буря утихла, Пушкарев послал четырнадцать алеутских девок за ягодами, и вскоре поехал туда сам. Неизвестно, от чего произошла у него ссора с алеутками; но когда надобно было возвращаться на судно, то две из них убежали в горы. Пушкарев, рассердясь за сие, убил одну девку на месте. Остальные, видя такую жестокость, кинулись в море и утопились. Надобно полагать, что страх, дабы злодеяние сие не открылось, побудил неистового Пушкарева еще к ужаснейшему преступлению: возвратясь на судно, велел он кинуть всех алеут за борт, исключая Моисея и Ивана, бывших толмачами. Но дабы читатель более поверил описанию сего происшествия (Коксовы повествования о России часто требуют подтверждения их достоверными свидетельствами), помещаю я здесь извлечение из Указа Охотской канцелярии, доставленного мне И. С. Лапиным.

«Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской из Канцелярии Охотского порта, морских Компанейщиков, Тульского оружейника Орехова, купца Соликамского Ивана Лапина, Велико-Устюжского Василия Шилова, прикащику их Иркутскому купцу Ивану Власову, по Указу Ея Императорскаго Величества и по определению здешней Канцелярии, и по поданному от меня доношению велено учинить нижеследующее.

Первое. В сходности имеющихся в здешней Канцелярии повелений, состоящее в готовности тех компанейщиков Орехова, Лапина и Шилова судно *Св. Павел* от порту Охотскаго в открытое море в вояж на известные и неизвестные острова, из гавани портовой уволить, и на то судно просимаго и отданнаго для мореплавателя Штурманскаго ученика Герасима Измайлова, отдать тебе Власову с произведением ему по окладу денежнаго жалования, а тебе купца Власова обязать в Канцелярии подпискою, чтоб ты того ученика, в сходственность полученного в здешней Канцелярии от Его Высокопревосходительства Господина Генерал Адмирала, и бывшего Сибирскаго Губернатора Мятлева (Василий Алексеевич Мятлев был вице-адмирал и управлял Сибирью от 1754 года до 1757. Место его занял известный Федор Иванович Соймонов. — *Соч.*) от 14 августа 1755 года ордера, впредь доколе он на судне хозяев своих находится будет довольствоваться имеешь, как денежным, так и провиантом против окладу его (в рассуждении, что он задолжен будет на судно для собственного хозяев твоих удовольствия) двойным, а не одиноким окладом, да и договоренным тобою Власовым, и Соливычгородским купцом Иваном Мостовским, передовщиком Соликамскаго посадскаго Ивана Луканина и всех работных из Русских и Камчадалов всего шестьдесят два человека на том же судне и в тот морскоу вояж уволить же...

Четвертое. Когда ж от тамошних народов, живущих на островах сих случаев и злаго намерения предвидно иногда не будет и они со всеконечною твердостью мыслием и без зла с ласкою обходиться будут; то в таком случае передовщику Луканину, а паче ж ученику Измайлову и по должности своей

и знанию науки от тех островных народов изведать ласкою из следующего, как то: 1. О великости и числе близости островов, многолюдстве народов. 2. Какую они веру содержат и какой обычай имеют? 3. Сколь склонны и приятны в обхождениях промеж собою и тверды ли во обнадеживаниях давших? 4. Какое имеют пропитание и какое носят платье; от своих ли рукоделий или отколь что получают? 5. Не имеют ли с кем и на что каковых торгов, и на что более склонны? 6. Какое оружие при себе имеют и отколе оное получают, или сами делают из своего железа или ж их привознаго отколе? 7. Не имеют ли с кем войны, и нет ли других каких народов вблизи тех островов им известных? 8. У кого они сами, и те живущие на неизвестных островах им в подданстве и владении состоят, и платят ли какую и в чем подать? 9. От какого колена они рождены, и давно ль размножились? 10. Каков им Российский народ приятен кажется, и желают ли впредь с ним видеться, и обхождение и торг иметь? 11. Есть ли у них морския какия суда в заведении, и куда плавание совершают, имеют ли каковыя ни есть карты и лес на строение судовое; со своих ли островов или отколь из другаго места получают? И всему тому журнальную записку учинить, чрез то стараться объяснить не токмо видимую самим землю, но и невидимая, а уверяемая в словах теми народами острова изъяснить, для положения впредь на карту не румбами, но на четверть компаса и под которыми градусами и минутами какой остров или земля состоит...

Восьмое. Когда тот ученик Измайлов и передовщик Луканин совершенно расположатся судном на обысканной матерой земле, или на каковом острове по их усмотрению, для промысла морских и земных всякаго рода зверей, то из них передовщику Луканину, в силу заключеннаго с тобою купцом Власовым контракту, остаться во исполнении и из пределов заключаемых во оном не выходить, под наижесточайшим в преступлении неохранении и неисполнении штрафом. И работных людей всех по усмотрению своему безпристрастно распределить к промыслам тех морских и земных зверей по-артельно или по-байдарно, и оные б по дозволительному на тогдашнее видимое время случаю расослать от себя и на прочия от того расположительнаго места судном в ближние острова гавани и удобныя места; и подтвердил бы им, чтобы они в тех местах в промысле находились радительно и лености за собой никаких не оказывали и время, упущения не делали. И тот бы промысел был весьма во умножение в зверях, от чего зависеть будет не токмо Государственной к интересам Ея Императорскаго Величества и компанейская польза, но и собственная его Луканина и всех работных людей выгода и прибыток, которой и служить им по выходе благополучном из вояжа будет в честь и славу собственную, и прославление паче компаниею вашею Российскаго Государства; как подобно и компания Селенгинскаго Купца Андреяна Толстых, вышедшая из вояжа 1764 году, заслужила прославление,

и известна тем быть стала Ея Императорскому Величеству Всемилоостивейшей и Всеавгустейшей нашей Монархине; да и имена той компании остались в потомках сведомы, со освобождением в выгоду от гражданских служб...

Одиннадцатое. Как из производимаго Господином Полковником Плениснером следственного дела усматривается, что Бечевинская компания, бывшая на Алеутских островах для равного ж промысла зверей, тамошним народам неописанные обиды, разорения и смертоубийства чинила, в рассуждении таковых обстоятельств не остается, чтоб и сей компании за предмет и наставление не включить, чтобы не токмо тот ученик Измайлов и передовщик Луканин сами, и одним словом заключается и вся их компания, в столь варварской поступок и в грабежи и отъемы насильные ни под каким видом, будучи на островах, не входили, и того над тамошними народами не чинили, под смертною казнию. Но единственно со всеми тамошними народами обходиться имели, как выше предписано, с ласкою, и приветствием; для чего, о сохранении сея заключенной силы, ученика Измайлова и передовщика Луканина со всеми работными обязать подпискою...

Осьмнадцатое. Если же то судно по выйдении паче чаяния из вояжа в Камчатский берег и пока Власов и Мостовской, отправить оное на известные и неизвестные земли и острова пожелаете, то в том им дать вольность на их желание, и удержания и препятствия никакого не показывать, и принуждений требованию их на тот вояж особливых дозволительных указов не чинить, а единственно остаться должны удающим сего определения указом в непременном исполнении, для чего и работных на том судне и на тот вояж по договору из вольножелающих свободных людей уволить без дачи им всем пашпортов; а единственно к отпуску их в данном указе прописать, чтобы все те люди шестьдесят два человека, отсюда уволены, а вместо пашпортов с даннаго мореходу ученику и передовщику указа взять с одних Русских из сорока четырех человек с каждого по одному рублю с четвертью копейки и того сорок четыре рубли одиннадцать копеек, кои и в приход записаны, а кто на том судне отпущены, оным прилагается у сего реэстр, и купцу Власову о том выдать. Августа 29 дня 1776 году. *Капитан Лейтенант Савва Зубов*».

В записках г. иркутского губернского землемера, коллежского советника Антона Ивановича Лосева нашел я, что Бечевин много пострадал в пытке, которую в 1764 году производил К*** А*** К*** в, присланный в Иркутск для следствия по корчемству. Весьма жаль, что неизвестно, был ли сам Бечевин в сем путешествии.

1760. Теперь следует путешествие селенгинского купца Андреяна Толстых, упомянутое в вышеприведенном указе.

Андреян Толстых говорит в рапорте своем: «В силу Указа Ея Императорскаго Величества Императрицы Елисаветы Петровны из Камчатской Большерецкой Канцелярии от 4 Августа 1760 года, и ордера от находящаго в Ниж-

некамчатске при предосторожности Прапорщика Василия Шмалева, позволено мне выступить в море, с прикомандированными козаками, Петром Васютинским и Максимом Лазаревым». Судно Толстого называлось *Адрианом и Наталиею*, и принадлежало собственно ему; ибо в прежние плавания составил он себе маленькое состояние, которым однако же не долго пользовался и принужден был служить опять на чужих судах.

Сентября 27-го 1760 года вышел Толстых из реки Камчатки и направил путь свой к юго-востоку. В 48-часовое плавание прибыл он к Беринговому острову и остался там зимовать. Июня 24-го 1761 года вышел Толстых в море и пристал 6 августа к острову Атту. Здесь нашел он 3 судна: первое Афанасия Чебаевского, второе Степана Постникова и третье Никифора Трапезникова. Простояв здесь 14 дней, отправился Толстых за поиском новых островов, но бури и противные ветры держали его в море до 28 августа, и сего числа пристал он к острову Адаху.

Усмотрев, что при острове сем можно иметь успешный промысел, разделил Толстых всю команду свою на несколько артелей и разослал оныя по ближним островам. Здесь провел не ученый, но предприимчивый и разумный мореплаватель сей три года, и в течение сего времени снискал благорасположение всех островитян, собрав притом и значительный груз, который состоял из 3 036 бобров, кошкоков и медведков, 2 220 бобровых хвостов, 200 бобровых лоскутов и песцов белых и голубых 532. Сверх сего собрано ясаку 100 бобров.

Июня 14-го 1764 года отправился Толстых в обратный путь, но плавание его было весьма не благополучно: бурные противные ветры прижали судно его к мелям острова Самии и повредили оное. Починив здесь судно свое, направил Толстых путь к острову Атту, где должен был снова поправлять судно, ибо в оном оказалась сильная течь. Оставив здесь взятых им толмачей и приняв к себе на судно морехода Башмакова с командою потерпевших кораблекрушение, отправился он 27 августа в Нижнекамчатск.

Сентября 4 увидел Толстых камчатский берег, и при всех усилиях своих не мог обогнуть Камчатского мыса и претерпел выше онаго совершенное кораблекрушение, но при сем несчастном случае спасен был весь груз и вся команда.

Толстых, Лазарев и Васюткин доставили начальству об открытых ими шести островах подробное сведение, а посему и назывались они впоследствии *Андреевскими*. Но замечательно, что острова сии были уже прежде известны: Башмаков зимовал на оных с помянутым козаком Лазаревым в 1757 и 1758 годах: подобным образом приписываются нередко деяния одного другому.

Замечательнейшее в описании их есть народонаселение сих островов: *Канага* мужеска и женска — 200 душ, *Чеихина*, семейств 400 или 1 200 душ, *Тагалах*, семейств 400 — 1 200 душ, *Атха* — 60 душ, *Амля* — 600 душ, *Адах* —

число душ не определено по частым разъездам их с острова на остров. Впрочем, известно, что козаки всегда старались увеличивать число народа, дабы придать более важности своему открытию. По счету их должно здесь быть мужского полу 1 500 душ; но ясак взяли они только со ста человек.

Между бумагами бывшего сибирского губернатора Дениса Ивановича Чичерина найден рескрипт премудрой императрицы Екатерины на счет сего путешествия. Читателям предложу я из онаго краткую выписку: «Денис Иванович! Реляцию вашу о сыскании и приведении Мне в подданство неизвестных донныне шести островов, так как копии с рапорта от козака Васюткина, с товарищи, читала Я с удовольствием, и сие приобретение Мне весьма приятно: жаль только, что обстоятельное всему описание и жителям переписанныя книги пропали (от разбития судна. — *Авт.*). Что вы купцу Толстых обещали, пожалованную от Меня, преждевышедшим из такового ж морскаго вояжа, компании десятую часть, ему возвратить, оное Я апробую, и прикажите то самым делом исполнить. Также козаков Васюткина и Лазарева, для поощрения их, произведите в тамошние дворяне. Дай Бог, чтоб они и предприемлемый ими нынешнею весною вояж окончили благополучно, и с добрым успехом.

Промышленникам подтвердите, чтоб они ласково и без малейшего притеснения и обмана обходились с новыми их собратьями, тех островов жителями. 1766 года, Марта 2 числа. *Екатерина*».

1760. В сем году отправлено было на Алеутские острова одно судно лальским купцом Терентием Чебаевским; но об успехах плавания его и промысла нет никаких известий. По запискам г. Зеленскаго видно только, что груз онаго оценен был в 104 218 рублей, и что оно возвратилось в 1763 году.

1762. Вышеупомянутая складственная компания, отправлявшая в 1759 году судно *Захария и Елисавет*, с присоединившимися к оной новыми товарищами иркутским Никифором Трапезниковым (который имел большое число паев в двух судах), лальским Василием Поповым, тотемским Яковом Протасовым, соликамским Иваном Лапиным и проч. отправила четыре судна с тем, чтобы они, осмотрев все острова Алеутской гряды и подле матерого берега Америки лежащие, избрали удобнейшее место для промысла. План сей экспедиции был весьма обширен; но, по несчастному стечению обстоятельств, три судна погибли со всеми бывшими на оных людьми, а последнее, хотя и возвратилось, но не вознаградило даже издержек.

Суда сии именовались: 1) *Захария и Елисавета*, находившееся под командою курского купца Алексея Дружинина; 2) *Св. Троицы*, под командою Ивана Коровина; 3) неизвестного имени, под командою штурманского ученика Медведева. Но как называлось четвертое судно, и кто оным командовал, того не мог я найти во всех помянутых записках, а известился только, что принадлежало Трапезникову.

Дружинин вышел из Охотского порта 6 сентября 1761 года с экипажем из 34 человек россиян и камчадалов. Октября 11 прибыл он в Петропавловскую гавань и остался там зимовать. Июня 24 числа 1762 года пошел Дружинин опять в море и по десятидневном плавании достиг до ближних Алеутских островов. В сентябре подошел он к Умнаку, виделся там с Готовым и решил-ся идти зимовать на Уналашку. Когда он туда прибыл, дали ему тойоны или старшины аманатов и оказывали всевозможные ласки. Сие приятное рас-положение диких побудило Дружинина для успешнейшего промысла зверей разделить экипаж свой на три артели и послать оные в разные места.

Дружинин, предполагая найти более выгод на малом острове Иналаке, перебрался туда с своим отделом, и хотя от живших там тридцати алеут и не приметил никаких неприятностей, однако же построил из предосторож-ности крепостцу и содержал в ней непрерывный караул. В один день отпра-вил Дружинин пять человек осмотреть расставленные клепцы и по уходе их разсудил с остальными, Степаном Корелиным, Дмитрием Брагиным, Григо-рием Шавыриным, Иваном Коковиным и еще одним промышленным, коего имя неизвестно, посетить жилища островитян. Побыв там несколько време-ни, начали уже они собираться домой; вдруг один алеут ударил Дружинина дубиною по голове, а остальные, кинувшись на него, зарезали его ножами. После сего напали они на Шавырина; но он, имея при себе топор, оборонял-ся оным и бежал в свое зимовье. Коковин, находившийся в сие время вне шалаша, был также окружен, повергнут на землю, и уже островитяне начали колоть его костяными ножами своими, как вдруг прибежал к нему на по-мощь Корелин и, разогнав сих неистовых алеутов, спас своего товарища. Дикие обитатели острова Уналашки действовали заодно, по обдуманному плану; ибо около сего же времени напали они на остальные две артели и уби-ли всех без исключения. Ни одному из несчастных россиян сих не удалось избежать смерти.

Давыдов говорит в записках своих слышанное им, вероятно, во время пребывания на острове Кадьяке: что когда сии алеуты условились напасть на россиян в разных местах в одно время, то разделили между собою по неко-торому количеству лучинок. Лучинки сии условились они кидать ежедневно в огонь по одной, с тем, что когда последняя повержена будет в оный, напасть на русских и лишить их жизни.

Вскоре после сего островитяне напали на зимовье покойного Дружини-на, и хотя промышленники, в оном засевшие, стреляли в них из ружей; но, видя, что они продолжают свое нападение, решились по четырехдневной осаде сделать вылазку. Отважные россияне Шавырин и Коковин кинулись первые на диких и, преследуемые товарищами своими, положили на месте троих, ранили многих, а остальных разогнали. Во время осады показывали им дикие

с торжеством одежду и оружие тех промышленников, кои, быв посланы осматривать клепцы, учинились их жертвою.

Сохраня отважностью и смелостью жизнь свою, спустили россияне немедленно байдару и решились плыть к селению Калактак, где находилась вторая артель. Достигши до места сего, удостоверились они скоро, что и сии товарищи их более не существуют, а посему и положили плыть в гавань, где стояло их судно. Зрелище, которое им здесь представилось, поразило их еще более. Судно нашли они разломанным, а взморье покрытым трупами их товарищей. Несчастные промышленники сии, претерпев еще множество разных нападений и бедствий, достигли уже в марте следующего года до корабля Ивана Коровина в таком изнурении сил, что Шавырин испустил вскоре дух свой, а остальные, изнуренные болезнями, вывезены были впоследствии на корабле Соловьева в Камчатку.

1762. Другое судно, бывшее под командою Медведева, отправилось из Камчатки с 49 человеками экипажа. Кроме известия, помещенного в путешествии Глотова, не было никаких слухов об участии сих несчастных мореплавателей.

Как читатель не увидит уже здесь более предприятий почтенного иркутского гражданина Никифора Трапезникова, то почитаю обязанностью упомянуть, что из всех тогдашних купцов был он самый умный, счастливый и предприимчивый. Трапезников отправлял в течение 25 лет до 1768 года шесть судов на Алеутские острова. Поелику все мною вышеупомянутые записки не имеют исторической подробности, то и могу я только именовать некоторые из тех судов его, о плавании коих нет никаких известий.

Шитик *Николай* отправлялся еще два раза на острова. В 1762 году возвратился он с грузом в 68 170 рублей, а в третье и последнее его путешествие дикие убили большую часть экипажа, но, не взирая на сие, возвратился он в 1766 году с грузом в 10 529 рублей. В 1757 году возвратился бот *Фиш* с грузом в 254 900 руб. Кроме сего имел почтенный Трапезников еще разные суда, как-то: *Святые Троицы, Петра и Павла* и еще одно неизвестного имени, которое доставило ему в 1763 году мехов на 105 730 рублей. Всего вообще вывезено бобров 10 500. Любопытно будет спросить, с каким богатством отстал Трапезников от сей промышленности? Иван Савич Лапин сказывал мне, что потеря значительного капитала в трех упомянутых судах и банкротство нескольких должников сделали его вдруг из богача бедным человеком. Старость свою провел он в крайних недостатках и едва оставил столько, что могли похоронить его пристойным образом.

1762. В сем году отправлено было судно *Адриана и Наталии*, принадлежавшее лальским купцам Терентию Чебаевскому, Василью и Ивану Поповым, да соликамскому Ивану Лапину. Мореходом был на оном яренский

мещанин Степан Готов, который, сделав важное открытие на боте *Июлиан* и вывезя первых черных лисиц, простер путь свой за пределы тогдашнего плавания: он первым приблизился к матерому берегу Америки.

Готов, вышед из устья реки Камчатки 1 октября с экипажем 46 человек, направил путь свой к Медному острову и остался на оном зимовать. Июля 26-го 1763 вышел он опять в море и 24 августа пришел на вид острова Умнака. Предприимчивый мореплаватель сей, не останавливаясь здесь, проплыл прямо к востоку и, миновав несколько малых островов, увидел большой величине гористый остров, до коего не достигал ни один из прежних мореплавателей. Отыскав удобное якорное место, расположился он здесь зимовать. Готов, желая для безопасности своей получить аманатов, требовал оных чрез находившегося у него алеутского толмача; но как жители сего острова имели особенное наречие и, по-видимому, не очень радовались приходу россиян, то и должен он был решиться проводить зиму на корабле, держа бессменный караул. Предосторожность Глотова оказалась весьма благоразумною, ибо спустя несколько дней после сего островитяне при наступлении утренней зари подкрались так тихо к кораблю, что неожиданно посыпались на оный стрелы. Караул, встревоженный сим нечаянным приступом, принялся немедленно за ружья.

Звук огнестрельного оружия, с коим сии дети природы не были еще знакомы, привел их в такой страх, что они кинулись мгновенно бежать. По отступлении их нашли россияне лестницы, серу, сухую траву и бересту. Открытие сие заставило Глотова усилить караулы и показало ему, с каким отважным народом имеет он дело.

Храбрые жители сего острова, который называется ныне Кадыяком, учили на россиян вторичное нападение 4 октября, в числе 200 человек. Дабы предохранить себя от действия тех пуль, кои при первом приступе поразили слух их свистом своим, несли они перед собою деревянные щиты и металы из-за оных стрелы. Сильная ружейная пальба с корабля скоро умерила бодрость их, и они опять пустились в бегство.

Природная храбрость кадыякских жителей не позволила им быть в покое во время пребывания там россиян. 26 октября приступили они в третий раз к судну. С корабля приметили скоро семь движущихся щитов, из коих за каждым укрывалось от 30 до 40 человек островитян, вооруженных копьями. Готов стал было убеждать их словами оставить сии немиролюбивые действия; но как они вместо ответа пустили в него стрелы, то и приказал он палить из ружей. Толщина щитов предохранила оные от действия пуль; дикие, увидев сие, начали приближаться поспешными шагами к судну. Готов, опасаясь худых последствий, ссадил людей на берег и жарким приступом скоро прогнал неприятеля.

Как пребывание на корабле в сие зимнее время года могло быть вредно для экипажа, то и приказал Глотов построить на берегу шалаш, в который и перебрались его служители. Однако же мера сия не возымела настоящего действия: цинготная болезнь водворилась между корабельным экипажем, и к апрелю девятеро из онаго сделались ея жертвою. От сего времени дикие стали гораздо ласковее и променивали даже меха свои на пронизки и бисер.

Мая 24 Глотов снялся с якоря и, прошед мимо полуострова Аляксы, пристал 3 июня к острову Умнаку. Проведя здесь прежде две зимы в согласии с жителями и почитая их своими приятелями, послал он тотчас байдару с десятию человеками на берег. Люди сии пошли прямо в прежнее зимовье свое, но как были они удивлены, усмотрев, что за печкою сидит заколотый россиянин, и что пол избы выломан и облит кровию!

Приведенные в страх сим ужасным зрелищем, кинулись они немедленно к байдаре своей, и хотя в них пущено было из-за камня множество стрел, добрались благополучно до судна.

Глотов, проведя зиму несчастным образом на Кадьяке, не имел вовсе никакого груза, а посему и должен он был решиться жить здесь, дабы вознаграждать потерянное время и приобрести хотя несколько пушного товара. Островитяне противились было очень сильно выходу россиян на берег; но как отважные мореходцы сии отразили их военную рукою, то они не токмо что оставили их в покое, но даже удалились сами с сего острова.

С наступлением весны дикие опять возвратились, и один из них рассказал Глотову, каким несчастным образом убиты здесь экипажи двух судов, и что часть россиян находится и поднесь на другой стороне острова. Но как о соединении Глотова с Коровиным буду я говорить ниже сего, то упомяну только, что Глотов заходил отсюда еще на Уналашку и возвратился в августе 1766 года в Камчатку. Иван Савич Лапин сказывал мне, что груз сего судна был весьма незначителен.

Когда в 1761 году возвратился из путешествия бот *Июлиан*, и на оном вывезены были лисицы черные, чернобурые, сиводушки и красные, то при разделе мехов удержаны были охотским начальством оба первые сорта и отсланы в Кабинет Ее Императорского Величества. Там выбрали из оных только лучшие, а остальные возвратили хозяевам, и при сем случае (1764) премудрая Екатерина, наградив шестерых человек из сего предприимчивого сословия золотыми медалями, повелела освободить их от постоев и градских служб и не взыскивать 6 000 рублей казенного долгу. Вот имена награжденных медалями: тульский оружейник Афанасий *Орехов*, купцы тобольский *Илья Снугирев*, вологодские Василий *Кульков*, Василий *Шапкин*, тотемский Петр *Панов* и московский Иван *Никифоров*.

Я видел одну из сих жалованных медалей у г. Лапина: величина оной обыкновенная, но вокруг сделана серебряная осыпь, которая имеет издали

вид брильянтов. Носить велено было оныя на груди с бантом из Андреевской ленты.

Оказав сим поданным благоволение свое столь многими наградами, пожелала премудрая монархиня узнать подробнее все деяния российских аргонавтов. Посему повелела она прислать в Санкт-Петербург одного из компаньонов, предварив его, что путевые издержки примет на собственный счет. Когда повеление достигло до Охотска, то находился в оном только великоустюжский купец Василий Шилов, коего и отправили немедленно в столицу.

Шилов, прибыв в Санкт-Петербург, имел счастье быть представлен великой монархине. Государыня расспрашивала его подробно обо всех местных обстоятельствах, новых открытиях, образ их промышленности и была весьма довольна ответами благоразумного Шилова.

Шилов представил Великой Екатерине карту своего сочинения об Алеутских островах от Берингова острова до острова Амли. Государыня повелела препроводить его с оною в Государственную Адмиралтейств-коллегию, в журнале которой 1767 года февраля 5 дня записано: «Устюжский купец Василий Шилов предложил Коллегии на рассмотрение вояжей своих при Камчатских островах карту, и по оной, как известно, положение тех островов, так равно и о тамошних жителях и их промыслах и о прочем с довольным основанием изъяснялся. И Коллегия, имея по той карте рассмотрение, и сводя ее с картою ж бывшего Капитана Чирикова, и приняв оное с совершенным удовольствием, осмеливается как оную, так равно и учиненную в Коллегии по точному его объявлению Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше при сем представить и притом донести: что Коллегия оное его Шилова объявление о тамошнем мореплавании и промыслах, також и о сопряженных с оными обстоятельствах, а особливо карту, для сведения и воспользования оною, почитается небезвозможным, ибо хотя она и не может быть почтена за точную и на правилах мореплавания основанную, но для первых начал довольно изрядную. Почему приложенное от него о том старание, а более участие в понесенных им трудах к распространению Российского мореплавания и купечества понеже в открытии новых земель, кои могут служить довольным началом к дальнейшим приобретениям, заслуживает апробацию и Всевысочайшую Вашего Императорского Величества милость».

Вот копия с двух высочайших указов, последовавших о Шилове и Лапине. Третий товарищ их, Афанасий Орехов, получил подобные же награды, как то читатели видели, в 1764 году.

«Указ Нашему Сенату. Великоустюжанского купца Василья Иванова сына Шилова, да Соликамскаго купца Ивана Лапина, за усердие их и ревность о взыскании за Камчаткою новых островов, всемилостивейше увольняем Мы от гражданских служб, так как и в 1764 году бывшие в такой же компании купцы уволены. Екатерина. Апреля 19-го 1767 года».

«Адам Васильевич (Олсуфьев, управляющий Кабинетом ее императорского величества. — *Авт.*)! Дайте из Кабинета Великоустюжскому купцу Василью Иванову сыну Шилову, да Соликамскому купцу Ивану Лапину, за усердие их о взыскании за Камчаткою новых островов, каждому по золотой медали, каковыя и в 1764 году таковой же компании купцам даны, а как Лапина здесь нет, то для отдачи ему, отдайте оную Шилову. Екатерина. Апреля 20-го 1767 года».

1764. Тотемские купцы Григорий и Петр Пановы отправили в сем году судно *Петр и Павел* из Нижнекамчатска, которое, доходя до дальних Алеутских островов, возвратилось в 1766 году с 350 бобрами, 560 черными лисицами, 513 сиводушками и 170 красными.

1764. Иркутский купец Уледников, снарядив в сем году большое судно, именованное *Петром и Павлом*, отправил оное в море с экипажем из 68 человек под предводительством отличного морехода тех времен, тобольского купца Ивана Максимовича Соловьева.

Соловьев, вышед 24 августа из устья реки Камчатки, плыл подле опасной цепи Алеутских островов без счисления и наблюдений гораздо удачнее, нежели иные с хронометрами, секстантами и окружными инструментами. Сентября 16 увидел Соловьев остров Умнак; но, не нашед здесь удобного якорного места, пошел прямо к острову Уналашке.

Вскоре по прибытии туда был Соловьев посещен всеми прежними своими приятелями, от которых и услышал с душевным прискорбием, какая участь постигла Медведева и его товарищей. Алеуты сии рассказывали ему, что тойоны или начальники трех ближних островов решились искоренять всех россиян, кои к ним придут. Но нападение на них положили они делать только тогда, когда русские, разделясь по артелям, отправятся на звериный промысел.

Хотя в известиях Палласа и помянутых мною записках сказано только, что Соловьев, проведя здесь одну зиму, отправился обратно и достиг благополучно до Камчатки; но я, имев случай говорить с промышленниками прежних времен во время моего пребывания на острове Кадьяк, опишу, что он там делал. Храбрый Соловьев, получив известия об участи несчастных соотечественников своих, решился отмстить кровожадущим дикарям. Сначала занялся он обстоятельными распоряжениями, построил зимовье и распределил людей к промыслам. Но он не успел еще кончить сего, как дерзкие островитяне, возгордись прежними победами, сделали на него нападение. Покушение сие было неудачно и обошлось алеутам весьма дорого. Соловьев, готовый всякую минуту к сражению, положил при сем случае сто человек на месте и истребил байдары их и жилища. Когда же после сего присоединились к нему Коковин и Коровин, то он, оставив половину людей своих при

судне, пошел с остальными на тех зверских дикарей, которые убили Дружинина и Медведева.

Кровопролитие было при сем случае ужасное: большая часть виновных в убийнии россиян заплатила за сие жизнью. Мстители сии, услышав впоследствии, что островитяне, боясь нечаянного нападения, собрались в числе трехсот человек в одно укрепленное жилище, отправились немедленно туда. По прибытии их начали островитяне метать из разных отверстий стрелы; но как вместо оных влетели к ним туда пули, то и решились они, заколов все щели, ожидать покойно участи своей. Соловьев, видя, что зданию сему нельзя будет нанести скорого вреда, подложил под оное в разных местах кишки, начиненные порохом, и поднял сих несчастных на воздух. Хотя при сем случае спаслись многие от взорвания, но были побиты ружьями и саблями. Давыдов говорит в записках своих, что Соловьев отправил в сие путешествие до трех тысяч алеут на тот свет; но число сие чрез меру увеличено: очевидцы рассказывали Ивану Савичу Лапину, что убитых было не более двухсот.

Мирный гражданин, друг человеческого рода, прочитав строки сии, вознегодует на отважного Соловьева и, может быть, назовет его варваром и губителем; но не переменит ли он мнения, ежели узнает, что после урока сего не смели уже жители Алеутских островов делать нападения на россиян? Не согласится ли он, что подобная мера была необходима для блага будущих путешественников? Любопытствуя знать, чем кончил отважный Соловьев, и какое нажил он состояние, сделал я вопрос сей Ивану Савичу Лапину. «Многочисленные и удачные походы его, — отвечал он мне, — доставляли ему большие прибитки; но как он был человек безрасчетный и не всегда трезвый, то в каждую зиму, проведенную им в Охотске или Камчатке, издерживал стяжание трехлетних трудов своих и отправлялся в новое путешествие с одними только долгами. Он несчастно окончил жизнь свою в Охотске».

1765. Около сего времени составилаь новая компания из трех соучастников, купцов соликамского Лапина, великоустюжского Шилова и тульского оружейника Афанасия Орехова. К весне 1765 успели у них в Охотске два бота длиною по килу в 45 футов: боты сии наименованы были *Петром* и *Павлом*. Снабдив оные всеми нужными вещами, пошли Лапин и Шилов на оных в Большерецкое устье и достигли туда благополучно.

Притязания большерецкого начальства за то, что компаньоны издержали во время пребывания на Камчатке ту водку, которая дана им была для морского путешествия, были виною, что не прежде, как в августе могли они отпрать суда свои в море.

Бот Петр находился под начальством известного селенгинского купца Андрея Толстых и имел экипажу 49 человек россиян, 12 камчадалов и 2 алеутов. Толстых, вступив в море 2 августа, направил путь свой прямо к югу. Мы видели выше, что он питал себя надеждою прославиться и обогатиться открытием

новых островов. Едва ли не мечтал Толстых также и о Дегамовой земле, которую тщетно искал Беринг. Проведя два месяца в неудачных поисках и имея в сие время большое число больных, не решился он плыть отсюда к Алеутским островам, а счел за нужное зайти прежде в Петропавловскую гавань.

Октября 2 числа застигнут бот сей жестоким штормом у Шипунского носа. Мореход вместо того, чтоб отойти с судном своим в море, решился положить якорь по западную сторону мыса сего; но едва только успел он совершить сие, как волнение взбросило судно его на каменную скалу и сокрушило до основания. Из экипажа, состоявшего в 63 человеках, спаслось только трое.

Достойный особенного уважения Андреян Толстых, который многими удачными путешествиями заслужил всеобщую похвалу и доставил немалые пользы отважными предприятиями своими, соделался жертвою той же стихии, которая была виновницей прежней его славы.

1765. Бот *Павел* находился под командою подштурмана Афанасия Очередина и имел 60 человек экипажу. Очередин, вышед 1 августа из Большецкого устья, прошел благополучно Вторым Курильским проливом и достиг 24 числа Лисьих островов.

Сентября 1 пришел он к острову Умнаку и расположился там зимовать. Островитяне сначала приняли россиян очень ласково, но когда Очередин потребовал с них ясак, то они совершенно переменялись. Неприязненное обхождение их было виною, что экипаж от нужды и ежечасного бдения терпел голод и подвергался цинготной болезни.

Весеннее время вскоре восстановило здоровье мореплавателей, и когда они совершенно избавились от болезни, то Очередин отрядил несколько человек для собрания ясака на ближний остров. Требование сие, о котором свободные островитяне не имели ни малейшего понятия, произвело весьма дурные следствия. Ни один из посланных не возвратился к судну, и даже неизвестно, каким образом были они убиты.

Очередин отправил в августе 28 человек на остров Уналашку для ловли зверей. Жители приняли их весьма благосклонно, и поелику в сей год было там множество лисиц, то и имели они весьма удачный промысел. До декабря месяца жили там люди сии весьма покойно; но 12 числа дикие сделали на них нечаянное нападение. Дабы добрее устрашить промышленников, распустили они слух, что взяли еще два судна и людей всех перебили. Хотя известие сие оказалось впоследствии несправедливым, однако же они действительно истребили две артели, в коих было 11 россиян. Отважные промышленники, отразив диких весьма удачно, переехали отсюда на другой малый остров, и в мае соединились с Очерединым.

Очередин прожил на Умнаке без всякого приключения; ибо как в сие время находилось там судно лальского купца Ивана Попова, то и не смели

жители напасть на такое большое число россиян. В апреле начало судно Попова собираться к выходу в море и выдало Очередину бывших на оном 40 аманатов. В июле прибыло к Умнаку другое судно лальского же купца Ивана Попова, и передовщики решились соединиться в одну компанию. Оба судна, отошед вскоре к Унимаку, занимались там промыслом зверей до 1770 года.

Мая 22 отправился Очередин в обратный путь и по благополучном плавании прибыл 24 июля в Охотск. Хотя бобров вывезено было на судне сем только 600, но зато лисицы составили очень большой капитал: черных привезено было 960, а сиводушек с лишком 1 000.

Когда известие о несчастиях, претерпенных сими мореплавателями, дошло до сведения премудрой и милосердной Екатерины, то великая монархиня издала именное повеление (в 1779 году) не собирать ясака ни с алеутских, ни же с Курильских островов.

По возвращении судна сего решились почтенные компаньоны онаго явить преданность свою той премудрой монархине, которая, освободив их от всех повинностей, повелела чинить всевозможные пособия при отправлении судов их к островам. Они выбрали 120 лисиц отличной доброты и препроводили оныя к иркутскому губернатору генерал-порутчику Брилю, просили, дабы его превосходительство благоволил доставить оныя от имени их к великой императрице.

Г. Бриль выполнил желание их и в донесении своем представил государыне, сколь полезны граждане сии для отечества и сколь великих выгод можно ожидать от решительной их предприимчивости. Вместе с сими лисицами рассудил г-н Бриль отправить самого Шилова, имевшего уже счастье представляться монархине.

Государыня, приняв весьма милостиво знакомого уже ей Шилова, повелела не взysкивать с Орехова, Лапина и Шилова тех 9 000 рублей, коими должны они были казне.

1766. В сем году отправлено было тульским купцом Семеном Красильниковым и компаниею судно *Владимир*; мореходом на оном посадский Сапожников. Неизвестно, в котором году возвратился Сапожников и далеко ли плавал, но как вывоз состоял только из 1 400 бобров, 2 000 морских котов и 1 050 голубых песцов, то и надобно полагать, что он плавал только до Лисьих островов.

Лисьи острова получили название от того, что изобиловали черными, чернобурными, сивыми и красными лисицами. На Андреяновских же, Крысьих и ближних островах вовсе не было лисиц, а водились только белые песцы.

1767. В сем году тотемские купцы Григорий и Петр Пановы отправили опять судно свое *Петр и Павел*. Оно возвратилось чрез три года с весьма богатым грузом, состоявшим из 5 000 бобров, 4 000 бобровых хвостов и 1 100

голубых песцов. Сие же самое судно, как видно по первым запискам, отправлено было и в третий раз, но о возвращении онаго нет никаких известий.

1767. Упомянутый выше лальский купец Иван Попов отправил в сем году из Нижнекамчатска новопостроенное там судно *Иоанн Устюжский*. Кто был на нем мореходом, и какой вывезен груз, неизвестно.

Судя по нижеприведенному, можно только заключить, что оно пробыло на Алеутских островах год и вышло опять немедленно в море.

В 1770 году возвратилось сие судно из второго путешествия с следующим грузом: бобров морских — 3 000, хвостов бобровых — 1 100, лисиц чернобурых — 1 663, сиводушек — 2 230, красных — 1 025, песцов голубых — 1 162.

По запискам капитана Тимофея Шмалева, бывшего впоследствии начальником Камчатки, видно, что судно *Иоанн Устюжский* совершало еще третье путешествие и воротилось 2 июля 1772 года. Шмалев говорит: раздел был порядочный; на каждый пай досталось, за выделом в казну десятины, 20 морских бобров, 3 бобровых хвоста, 18 лисиц черных и чернобурых, 24 сиводушки и красных по 10. За пай давали купцы от 800 до 1 000 рублей. Ежели читателям покажется цена сия очень мала, то надобно знать, что в 1773 году продавалась мягкая рухлядь на Камчатке по следующим ценам: морской бобр: 1-й доброты — 60 р., 2-й — 40 р., 3-й — 25 р., лисицы: сиводушки — 2 р. 50 к., красные — 1 р. 20 к., соболи: 1-й доброты — 3 р., 2-й — 2 р., 3-й — 1 р.

Сведение сие о камчатских ценах почерпнул я также из записок капитана Шмалева.

1767. Судно, названное *Св. Иоанн Предтеча*, принадлежавшее компании грека Пелопонисова и лальского купца Попова, отправлено было в сем году из Нижнекамчатска к островам. Оно возвратилось в 1772 году с 60 бобрами, 6 300 котами и 1 280 голубыми песцами.

Замечательно, что хотя Алеутские острова изобиловали мягкой рухлядью; но счастье благоприятствовало не каждой компании. Иное судно, проведя пять лет на островах, возвращалось с грузом в 20 000 руб.; а другое, пробыв на оных только два года, собирало разной мягкой рухляди на сто тысяч рублей.

1786. Компания купцов тульского Ивана Засыпкина, оружейника Афанасия Орехова и тобольского Ивана Мухина отправила в сем году судно *Николай*, которое возвратилось в 1773 году с 2 450 бобрами, 1 348 хвостами и 1 127 голубыми песцами.

1769. Помянутые Пелопонисов и Попов отправили в сем году судно *Св. Адриан* из Камчатки. На возвратном пути в 1773 году занесено оно было бурей к Удскому острогу и сильно повреждено. Груз онаго состоял в 1 200 бобрах, 996 чернобурых лисицах, 1 419 сиводушках и 593 красных.

1769. В сем же году отправлено было из Охотска и еще другое судно, именовавшееся *Св. Прокопий*, и принадлежавшее купцам: вологодскому Матвею Окошникову и якутскому Прокопию Протодяконову. Хотя судно сие возвратилось из путешествия по четырехлетнем отсутствии, но груз онаго был удивительно незначителен и состоял только из 250 бобров, 230 хвостов, 20 черных лисиц и 40 сиводушек. Весьма жаль, что не известны причины, по коим оно имело такой худой успех в промысле зверей: из всех поминаемых здесь путешествий нет ни одного, сему подобного.

1770. В сем году отправлено было из Нижнекамчатска судно *Св. Александр Невский*, принадлежавшее московскому купцу Василью Серебренникову. По четырехлетнем путешествии возвратилось оно с грузом 2 440 бобров, 2 320 хвостов и 1 130 голубых песцов.

1770. В июле месяце сего года отправилось вторично из Охотска судно *Св. Павел*, принадлежавшее тульскому оружейнику Орехову и купцам соликамскому Лапину и великоустюжскому Василью Шилову. Мореходом был на судне сем прежде упомянутый Иван Максимов Соловьев. Мореход сей, пробыв четыре года у острова Уналашки, возвратился благополучно в 1775 году с грузом 1 900 бобров, 1 493 черных лисиц, 2 115 сиводушек и 1 278 красных. Замечательно, какое непомерное количество лисиц находилось на островах Уналашке, Умнаке и прилежащих к ним. Хотя, конечно, промышленники ловили бы охотнее черных лисиц, нежели красных; но, как не известно, которая скорее попадет в клепцы, то и надобно заключить, что черных, чернобурых и сиводушек было здесь гораздо больше, чем последних.

1772. Теперь следует путешествие штурмана Потапа Зайкова, которое из всех до сего предпринятых надо почесть за отличное путешествие весьма искусного мореплавателя. Почтенный губернатор Иркутской губернии Франц Николаевич Кличка, прочитав журнал Зайкова, счел его столь занимательным, что препроводил оный в Академию наук, которая и напечатала его в месяцеслове 1782 года.

Судно, на котором Зайков совершил свое плавание, называлось бот *Св. Владимира* и принадлежало компании Орехова, Лапина и Шилова. Весь экипаж онаго состоял из 69 человек, а передовщиком был устюжский крестьянин Василий Шошин. Зайков вышел из Охотского порта 22 сентября 1772 года. До 1 октября плыл он благополучными ветрами, а с сего времени отнесло его бурей далеко в море. По утишении оной направил Зайков путь свой к Камчатке и вошел 19 октября в устье реки Воровской, от Большерецка к северу на 160 верст лежащей. Вся Камчатка, говорит он в журнале своем, была уже покрыта снегом.

По вскрытии реки вышел он 12 июля 1773 года опять в море и достиг 7 июля до Второго Курильского пролива, где, запасшись пресною водою,

выступил в океан. Зайков пошел прямо на *SO* и *OSO*; но, не видя никаких признаков земли, поворотил к Медному острову и положил в северной бухте онаго 26 июля якорь. Рассчитав выгоды свои, решился он остановиться здесь на зиму и выгачил судно свое на берег. Распределив команду по разным промыслам, занялся Зайков топографическим описанием сего острова. По словам его, простирается он от *NW* к *SW* на 50, ширина же онаго от 3 и до 10 верст. Зверей было там в сие время еще множество: сивучи, коты морские и нерпы приходили с моря большими табунами, но оставались здесь только до ноября. Бобры же морские проводили здесь всю зиму. Мясо оных, говорит он, употребляли мы в пищу и сушили для запаса.

Осень началась на Медном острове с сентября и была сопровождаема теплым воздухом. Зима наступила с половины декабря, но снегу выпало только на аршин, и он с половины марта начал уже таять. При северном ветре была здесь всегда ясная погода; в летнее время с половины июля до половины августа часто случались густые туманы. Снег держался на хребтах сего острова до июля. Зайков собрал здесь 27^{1/2} фун. самородной меди.

Июля 7-го 1774 года вышел Зайков опять в море, и по 23-дневном плавании пристал к первому Алеутскому острову Атту. Кроме женщин и детей было здесь только 27 человек жителей. Предприимчивый Зайков, усмотрев, что в течение времени может получить значительные прибыли, решился остаться здесь до весны. Июля 4 следующего года приготовился он к дальнейшему путешествию и, оставив на острове сем десять человек для промыслов, поплыл далее к востоку. 19 числа сего месяца пристал он к острову Умнаку и, нашед там судно вологодского купца Буренина *Св. Еввл*, согласился с начальником онаго составить одну компанию. Несчастья, постигшие здесь прежних промышленников, послужили им уроком не делиться на малые артели.

Зайков положил, чтоб судно *Св. Еввл* осталось здесь с 35 промышленниками, а сам, снабдив бот свой всеми нужными припасами и взяв 60 человек команды, отправился для дальнейших открытий. В условиях положено было, между прочим, по возвращении его к Умнаку делить им все добытые меха на две равные части. Августа 3 дня 1775 года отправился бот *Св. Владимир* далее к востоку; 17 числа подошел он к острову Унимаку и, вошед в пролив, отделяющий оный от полуострова Аляксы, стал на якорь в той же самой гавани, где прежде зимовал капитан Креницын.

В сем месте провел Зайков три года, и между тем как экипаж его занимался промыслами, описал он с топографической точностью все окружные острова. Карта штурмана Зайкова была первая, которая познакомила сибирских мореплавателей с истинным положением островов Алеутской гряды. Хотя нельзя полагать, чтобы Зайков умел определять астрономическим способом долготу места, но замечательно, что он усмотрел ошибку капитана

Креницына, который положил острова сии на 5° западнее настоящего их местоположения.

Мая 27 дня 1778 года отправился Зайков в ту же гавань, где стояло судно *Св. Евл.* Удивительно, как долго совершали суда сии свои плаванья: из упомянутой гавани можно было бы легко идти в сию часть года к острову Умнаку в три дня, но бот *Св. Владимир* пробыл в море 53 дня. Зайков, разделив все промышленные меха, прожил здесь еще до следующего лета и 19 мая 1779 года направил путь свой к западу. 30 числа сего же месяца подошел он к острову Атту и, взяв здесь остальных 10 человек команды, поплыл 12 июня к Командорскому острову. Проведя у оногo несколько дней, пошел он опять 12 июня в море и достиг 6 сентября благополучно до Охотского порта. В течение семилетнего путешествия потерял Зайков 12 человек из всего экипажа. Груз, вывезенный на судне сем вместе с казенным ясаком, состоял из: морских бобров — 4 376, хвостов — 2 874, лисиц чернобурых — 549, сиводушек — 1 100, красных — 1 200, выдр — 92, росомаха — 1, волков — 3, норок — 18, морских котиков — 1 725, голубых песцов — 1 100 и $9\frac{3}{4}$ пуд моржовой кости.

Так как из всех грузов выше и ниже упомянутых судов почитался сей за самый богатейший и оценен был тогда в 300 416 руб., то для любопытного читателя исчислю я, чтобы он стал по ценам, как Российская Американская компания ныне продает меха.

4 376 бобров по 300 руб. — 1 312 800 руб., 2 874 хвоста по 20 руб. — 54 480 руб., 549 черных лисиц по 150 руб. — 82 350 руб., 1 100 сиводушек по 50 руб. — 55 000 руб., 1 200 красных по 20 руб. — 24 000 руб., 92 выдры по 30 руб. — 2 760 руб., 1 росомаха — 20 руб., 3 волка — 60 руб., 8 норок по 6 руб. — 108 руб., 1 725 котов по 25 руб. — 43 125 руб., 1 100 голубых песцов по 25 руб. — 24 500 руб., моржовый зуб — 1 385 руб. Итого 1 603 588 руб.

Надобно, однако же, заметить, что как доброта всех мехов не могла быть одинакова, то я взял здесь только средние групповые цены. Впрочем, бобр может стоить 1 200 рублей, лисица черная 800, а котик 45.

По возвращении сего судна пожелали Орехов и Лапин отвезти в дар Великой Екатерине 300 лучших черных лисиц. Зимой 1776 года отправились они оба в путь и по прибытии в Санкт-Петербург имели счастье быть представлены ее величеству. Великая монархиня приняла их очень милостиво, благодарила за гостинец и расспрашивала о всех самоналейших подробностях того края.

Во время сего разговора спросила у них государыня, не должны ли они казне. На ответ, что они получили заимообразно 21 500 рублей, она промолчала; но вскоре после сего прислала к ним именное повеление на имя Иркутского губернатора, чтоб денег сих с них не взыскивать.

После сего приказала она обер-гофмаршалу угостить их завтраком и показать им Эрмитаж.

Около сего же времени были еще награждены двенадцать человек из отличнейших американских компанионов золотыми медалями. Имена их следующие: московский Иван Тимофеевич Красильников, лальский Василий Попов, московский Андрей Михайлович Серебrenиков, тотемский Григорий Панов, вологодский Федор Буренин, тульский Семен Красильников, московские Федор Никифорович Рыбинской и Федот Афанасьевич Кульков, камчатский Иван Красильников, иркутский Никифор Трапезников, великоустюжский Суханов и тотемский Тишов.

1772. В месяцеслове на 1783 год помещено еще одно путешествие. Тотемский купец Алексей Холодилов снарядил в 1772 году судно, именовавшееся *Архангелом Михаилом*, с экипажем из 63 человек, и поручил начальство над оным штурманскому ученику Дмитрию Полутову. Полутов, вышед в море 8 сентября из Большерецкого устья, продолжал плавание с благополучным ветром по 20 число; но внезапно возставшая буря от запада выкинула судно на камчатский берег.

Надобно полагать, что место, на которое выкинуло судно Полутова, было песчаное; ибо без повреждений сняли его с мели, и 7 июля следующего года отправили в море. По двадцатидневном плавании прибыл Полутов к Беринговому острову и расположился здесь зимовать. По описанию его видно, что в сие время было там довольно бобров, сивучей, котов, голубых песцов и морских тюленей.

Июля 17 дня 1774 года вышел Полутов в море и 7 сентября положил якорь у острова Уналашки. Здесь провел он два года и в течение сего времени посетил все ближние острова. Июня 15 дня 1776 года, взяв с острова Уналашки толмачей, пошел Полутов к Кадьяку, и по девятнадцатидневном плавании вошел в залив на восточной стороне онаго, который вдался внутрь острова на 15 верст. По описанию сему видно, что они зашли в Игашской залив, где, как я во время моего пребывания на острове сем слышал, были прежде многолюдные селения.

Полутов нашел на северной стороне сего залива 36 пустых юрт и домов; но жители показались ему не прежде 4 июля. Они пришли вооруженные, в числе сорока человек. Полутов послал немедленно на берег толмача с разными подарками. Но свирепые обитатели острова Кадьяка были непреклонны: предлагаемые им вещи вырывали они с жадностию и, не смотря на оказываемые им ласки, убежали от судна. Полутов, не ожидая от неприязненного обращения их добрых последствий, отплыл обратно к Уналашке и, оставив там взятых толмачей, прибыл 2 августа к острову Атхе. Предполагая здесь умножить груз свой, остался он на зиму, и 25 июля 1777 года отправился в обратный путь. Хотя Полутов должен был идти в Охотский порт, но за сильными противными ветрами достиг только до Нижнекамчатского устья. Весь груз судна *Святого Михаила* состоял из 3 720 бобров, 1 680 хвостов,

488 черных и чернобурых лисиц, 431 сиводушки, 204 красных, 901 песца и 1 430 морских котов.

По запискам Тимофея Шмалева видно, что в 1772 году отправилось еще на острова судно, принадлежавшее тотемским купцам Петру и Григорию Пановым; но как называлось сие судно и когда возвратилось, о том не мог я отыскать никаких сведений.

1773. В сем году отправилось судно *Св. Еввл*, принадлежавшее вологодскому купцу Федору Буренину с товарищи, из Нижнекамчатска. Мы видели выше, что оно было вместе с Зайковым у Умнака. Судно сие возвратилось в 1779 году с грузом из 951 бобра, 690 хвостов, 540 морских котов, 63 речных выдр, 251 черных лисиц, 378 сиводушек, 630 красных и 1 000 голубых песцов.

1774. Выше упомянуто, что кроме мореходных судов отправлялись иногда на Берингов и Медный остров байдары. Теперь следует известие о байдаре камчатского купца Ивана Новикова, плававшей двоекратно на ближние Алеутские острова, которые бы в честь покойному Берингу надобно было называть *островами Обмана* (острова сии названы так Берингом потому, что он принял их за первые Курильские. — *Авт.*). Но прежде, нежели приступлю к сему, почитаю обязанностью уведомить читателя, что такое байдара. Байдарами называются в восточных пределах Сибири шлюпки, коих набор или члены быв сделаны из тонких деревьев и, имея корму единообразную с носом, обшиваются кожей морских тюленей. Хотя суда сии весьма удобны и так вместительны, что поднимают до 60 человек; но можно легко вообразить, сколь опасно пускаться на кожаных лодьях сих в дальнейшее плавание.

Не взирая на сии неудобности, плавала помянутая байдара двоекратно к ближним Алеутским островам, отстоящим от Большерецка на 1 400 верст. В оба путешествия, совершенные в 1772—74 годах, вывезла она хозяину своему на 16 660 руб. мехов. Сообразя достоинство тогдашних денег с нынешними, выйдет, что предприятие Новикова было достаточно вознаграждено.

1774. Вышеупомянутое судно *Св. Проконий*, принадлежавшее купцам Протодьяконову и Оконешникову, отправилось в сем году вторично. По четырехлетнем отсутствии возвратилось оно благополучно в Охотск; но лишило хозяев своих охоты заниматься сим промыслом.

Груз онаго, подобно первому, едва ли вознаградил издержки. Весь вывоз состоял в 300 бобрах, 1 000 голубых песцах и 39 500 морских котках. По вторым запискам означен первый груз в 20 130 руб., а второй в 98 840 рублей. Но как постройка и снаряжение судна стоили тогда около 50 т. рублей, то, приняв в соображение восьмилетнее содержание онаго с безвозвратным капиталом, выйдет, что прибыли едва ли равнялись издержкам.

1774. Тобольский купец Осокин отправил в сем году судно свое, именованное *Св. Павлом*. Но предприятие его имело весьма худой успех: едва дошло оно от Охотска к Камчатке, то и разбилось здесь совершенно.

1776. В сем году отправлено было на Алеутские острова судно *Св. Александр Невский*, принадлежавшее тотемским купцам Григорию и Петру Пановым. Оно возвратилось в 1779 году, но в чем состоял груз оно, о том нет никаких сведений.

1776. Теперь вступает в первый раз на поприще знаменитый отец российских колоний *Григорий Иванович Шелехов*. Предприимчивый муж сей, прибыв в Охотск из Кяхты, вступил тотчас в связи с якутским купцом Лебедевым-Ласточкиным и обратил сначала взор свой на Курильские острова. Желая, однако, иметь участие и в промысле с Алеутских островов, или влекомый, может быть, тайным предчувствием к той части света, которая увековечила имя его, вступил он в новое сотоварищество с камчатским купцом Лукою Алиным. Общим иждивением построили они судно в Нижнекамчатске и, наименовав оное *Св. Павлом*, отправили в 1776 году на острова.

Кто сим судном начальствовал, и какое совершило оно плавание, неизвестно, а видно только по разным запискам, что оно возвратилось в 1780 году и вывезло 936 бобров, столько же хвостов, 1 580 голубых песцов и 34 000 морских котиков; всего по тогдашним ценам на 74 240 руб.

1776. Счастливейшие из всех сибирских аргонавтов, Орехов, Лапин и Шилов, отправили в сем году судно свое *Св. Павел*, совершившее уже два благополучных плавания. Начальником был на судне сем подштурман Герасим Измайлов, а передовщиком соликамский посадский Иван Луканин. О плавании их нет никаких известий, а нашел я только в помянутых записках, что судно сие возвратилось в 1781 году с грузом из 2 726 бобров, 1 340 хвостов, 12 000 морских котов, 976 сиводушек, 577 чернобурых лисиц, 86 выдр и 327 голубых песцов; всего по тогдашним ценам на 172 т. рублей.

1777. Компания купцов рьльского Григория Шелехова, московского Ивана Соловьева и тотемских Григория и Петра Пановых, снарядив в сем году судно, названное ими *Варфоломеем и Варнавою*, отправила оное из Нижнекамчатска на Алеутские острова. О плавании сего судна нет никаких известий, а упомянуто только, что оно возвратилось в 1781 году с небогатым грузом, оцененным в 58 т. руб.

1777. Почтенный именитый гражданин города Курска Иван Ларионович Голиков, содержа в сие время питейные сборы по Иркутской губернии, пожелал также изведать счастья своего в морских путешествиях и вступил в первоначальное товарищество с умнейшим из сибирских промышленников Григорием Ивановичем Шелеховым. Общим иждивением построили они

судно и, назвав оное именем *Св. Андрея Первозванного*, отправили в 1777 году из Петропавловской гавани на Алеутские острова.

Начальное покушение их вознаградилось достаточным успехом, и хотя судно сие потерпело кораблекрушение, но спасенный груз продан был за 133 450 рублей.

1777. Иркутский купец Яков Протасов отправил в сем году судно, именованное *Зосимом и Савватию*, на Алеутские острова для промысла. Хотя о плавании оного нет также никаких известий, но как видно из описи вывезенным мехам, что в числе оных не было ни одной лисицы, то и надобно заключить, что оно доходило только до ближних островов. Судно сие возвратилось в 1781 году с грузом, оцененным в 49 215 рублей.

1778. Тотемские купцы Григорий и Петр Пановы, отправлявшие уже несколько судов на Алеутские острова, вступили в сем году в товарищество с Арсением Кузнецовым (известным читателю моему по путешествию графа Беньевского) и, построив судно, названное по имени *Св. Николая*, отправили оное из Петропавловской гавани на Алеутские острова. Судно *Св. Николай* пробыло на островах семь лет; но зато богатый груз вознаградил терпение компанионов. На судне сем вывезено было бобров 2 521, хвостов 1 487, выдр 230, лисиц черных 469, сиводушек 881, красных 2 083.

1778. В сем году отправлено было еще судно *Климент*, принадлежавшее тем же Пановым и Кузнецову. Оно возвратилось благополучно в 1785 году с грузом, состоявшим из 1 118 бобров, 760 хвостов, 477 выдр, 622 черных лисиц, 760 сиводушек, 456 красных и 60 котов.

Судя по запискам Шелехова, командовал судном сим подштурман Аф. Очередин. Известно, что в 1779 году зимовал он при острове Кадьяк. Во время моего там пребывания говаривал я с промышленником Тоюрским, бывшим у него на судне. Тоюрский сказывал мне, что они привезли с собою 60 алеут с Лисьих островов, дабы заставить их промышлять здесь бобров; но план сей не удался. Жители Кадьяка поступали с ними так сурово, что даже не позволили сходить на берег. Проведя здесь зиму в крайней опасности, успели они только убить 100 бобров; но потеряли более 20 человек людей от болезни. С наступлением весны ушли они со всевозможной поспешностью к Лисьим островам.

1778. Около сего времени отправлен был Григорием Ивановичем Шелеховым и камчатским купцом Козициным бот *Св. Николай*. Судно сие совершило три плавания на Алеутские острова; но нет ни малейших известий об успехах промысла и времени его возвращения.

1779. Почтенные Голиков и Шелехов отправили в сем году судно, именованное *Св. Иоанном Предтечею*, из Петропавловской гавани. Судно сие, проведя шесть лет на ближних Алеутских островах, возвратилось в 1784

году в Охотск и вывезло 1 074 бобров, 729 хвостов, 727 голубых песцов и 440 котов морских.

1780. В сем году отправили вышеупомянутые Пановы опять судно свое *Св. Евл* из Камчатки. По пятилетнем странствовании было оно, наконец, разбито у ближних Алеутских островов, но спасенный груз вывезен на каком-то другом судне и продан в Камчатке за 71 766 рублей.

1780. Возвращение судна *Св. Павла* с грузом, проданным за 74 т. рублей, доставило покойному Шелехову новые средства и достаточный капитал для дальнейших предприятий. Построив в сем году судно и наименовав оное в честь святого того города, по которому он состоял в купечестве, *Иоанном Рыльским*, Шелехов отправил оное из Петропавловской гавани на Алеутские острова. По шестилетнем странствовании возвратился *Иоанн Рыльский* к камчатским берегам и претерпел при оных кораблекрушение. Груз был, однако же, весь благополучно спасен и состоял в 900 бобрах, 654 хвостах, 18 500 морских котах и 930 голубых песцах. Замечательно, что все шелеховские суда не ходили к дальним островам, а занимались более ловлею морских котов, коих было оными вывезено по сие время без малого 70 тысяч.

1780. В сем году отправлено было московскими купцами Журавлевым и Криворотовым судно *Св. Прокопий* из Охотска. Но оно дошло только до камчатских берегов и претерпело при оных совершенное кораблекрушение.

1781. Якутский купец Лебедев-Ласточкин, который, как упомянуто, был в сотовариществе с Шелеховым при отправлении двух судов к Курильским островам, снарядил опять общим иждивением судно, именовавшееся *Св. Георгием*. Поручив начальство над оным подштурману Герасиму Прибылову, отправили они его в сем году в море.

Хотя о плавании Прибылова, продолжавшемся до 1789 года, нет никаких известий; но оно замечательно, потому что г. вице-адмирал Сарычев приписывает ему открытие островов *Св. Павла* и *Георгия*, к северу от Уналашки лежащих. По бумагам покойного Григория Ивановича Шелехова видно, что он назвал острова сии островами *Зубова*. Известно, что он пользовался благодеяниями князя *Платона Александровича Зубова*.

Груз, вывезенный Прибыловым в 1789 году в Охотск, можно почесть одним из богатейших; ибо он состоял из 2 720 бобров, 2 267 хвостов, 31 150 морских котов, 6 794 голубых песцов, 1 025 разных лисиц, 11¹/₄ пудов моржевых зубов и 15 пудов китовых усов. Но надобно заметить, что Прибылов провел на островах восемь лет!

1781. Судно *Св. Павел* купцов *Алина* и *Шелехова* было в сем году вторично отправлено и возвратилось по пятилетнем странствовании с убогим грузом из 398 бобров с хвостами, 7 600 морских котов и 56 голубых песцов; все сие стоило по тогдашним ценам 35 т. рублей.

1781. В сем же году отправлено было тотемским купцом Алексеем Поповым судно *Св. Алексий*, которое по пятилетнем отсутствии возвратилось с грузом из 882 бобров, 660 хвостов, 147 выдр, 73 черных лисиц, 220 сиводушек, 1 276 красных, 470 голубых песцов, 73 голубых нориков и 2 352 котов.

1781. Купцы Орехов, Лапин и Шилов, получив от прежних удачных путешествий значительные прибыли, отправляли в сем году судно, именовавшееся по *Св. Александру Невскому*. О плавании онаго и времени возвращения нет обстоятельных известий; но счастье, благоприятствовавшее им в сем промысле, доставило и при сем случае богатый груз, состоявший из 1 830 бобров, 1 593 хвостов, 674 черных лисиц, 1 124 сиводушек, 1 417 красных, 430 выдр, 1 112 котов и 2 475 песцов: все сие стоило тогда 238 т. руб.

1782. В сем году, как во всех записках видно, отправилось только одно судно иркутского купца Якова Протасова из Нижнекамчатска. Надобно полагать, что оно также было на Котовых островах; ибо по возвращении онаго в 1789 году состоял главный промысел в 26 500 котак; бобров было на оном вывезено 292, да голубых песцов 150.

1783. В сем году отправлено под командою подштурмана Степана Зайкова судно якутского купца Лебедева-Ласточкина *Св. Павел*. Весь капитал онаго состоял из 65 паев. Имев случай получить валовой контракт судна сего, означу для любопытного читателя все количество паевщиков или хозяев.

Купцов якутских: Лебедева-Ласточкина — 34 пая, Ефима Попова — 1, Григория Дежуринского — 1, Елисея Завьялова — 1, калужских: Ивана Кортаева — 1, Василия Невежина — 1, вологодских: Михаила Исаева — 1, Василия Шапкина — 2, Василия Кулькова — 1, тотемских: Михаила Губинского — 1, Федора Никулинского — 2, Арсения Кузнецова — 1, тюменского Василия Кривошеина — 1, тувльского Михаила Душакова — 2, соликамского Ивана Лапина — 2, курского Алексея Полевого — 1, иркутского Ивана Большакова — 2, холмогорского Дмитрия Сорокина — 1, заводчика Ивана Савельева — 5, мещан: якутского Савы Чебыкина — 1, мальжского Спиридона Буракова — 1, надворного советника Петра Будищева — 2. Итого 65.

Из целого числа паев отделялось: 1 — в церковь Божию и на сирот Охотской школы; 1 — передовщику камчатскому мещанину Петру Коломину; 1 — отставному боцману Дурыгину; 1 — мореходу Зайкову и 2 пая на тех промышленников, кои в течение вояжа окажут особенное усердие или отличие и будут признаны таковыми от всего экипажа, состоявшего из 67 человек.

Зайкову предписано было направить путь свой к XVIII Курильскому острову и снять с берега *бригантину* Наталию, которая была на оный взброшена во время землетрясения. По выполнении сего велено было ему остаться здесь зимовать и на следующую весну оставить бригантину в Охотске, а самому следовать за промыслом на Алеутские острова.

Не имея случая отыскать журнал Зайкова, могу только сказать, что он разбил судно свое в 1789 году около островов Павла и Георгия. Груз онаго был спасен, но Иван Савич Лапин сказывал мне, что он не равнялся издержкам.

1783. В сем году передовщики и мореходы трех купеческих судов, на Лисьих островах пребывавших, усмотрев, что промыслы их весьма незначительны и что к дальнейшему получению оных не имеют они никакой надежды, решились приступить к новым открытиям. С общего согласия подчинили они себя прежде упомянутому и весьма искусному штурману Потапу Зайкову, поручив ему избрать удобное место для промысла.

Суда сии принадлежали: 1. *Алексей* — Холодилову, Орехову и Панову. Мореходом был на оном нежинский грек Евстратий Делавров. 2. *Михаил* — Холодилову; мореходом был штурманский ученик Филип Мухоплев. 3. *Александр Невский* — Орехову, Лапину и Шилову; мореходом был помянутый выше Зайков.

Зайков, имев случай видеть карты капитана Кука и слышать от сопутников его во время пребывания их в Камчатке, что они нашли на американском берегу залив, названный ими Williams Sound, решился направить путь свой к оному. Зайков выступил с тремя судами своими в поход в июле, и в августе месяце достиг благополучно до желанного места, называемого ныне по-русски Чугатский залив.

Здесь встретили они гораздо превосходнейшее число народа нежели на островах Алеутской гряды, и хотя начальные успехи их в промысле были довольно значительны, но вскоре храбрые чугачи преградили им путь к оным. Промышленники сии, полагаясь на мужество свое и то превосходство, которое они всегда одерживали над островитянами, принялись за оружие. Отважные чугачи, устрашавшие набегами своими все окружные племена, а особенно жителей острова Кадьяк, не убоились русских ружей: они действовали стрелами своими столь удачно и храбро, что в многих стычках одержали верх над неприятелями своими и в дополнение преградили им способы к промыслам и пропитанию.

Стечение сих неожиданных обстоятельств заставило Зайкова обратиться вместо промыслов к ограждению себя от неприятеля, треть целой команды проводила всю ночь в ружье, боясь нечаянного нападения. В дополнение к сим злополучиям оказалась вскоре и цинготная болезнь, которая, соединясь с голодом, убавила в короткое время значительное число из экипажа сих трех судов. С радостию узрел Зайков наступление весны и, вооружив со всевозможной поспешностью суда свои, отправился к Алеутским островам. Столь неудачно было первое покушение россиян выступить на матерый берег Америки!

1785. Теперь можно заметить, как постепенно ослабевала предприимчивость бывшего в Сибири купечества. В 1784 году не было ни одно судно

отправлено в море. Значительные прибыли, полученные многими из участвовавших в сем промысле, побудили их, оставя оный, наслаждаться в покое приобретенным состоянием. Другие, претерпев несколько неудач, должны были остановить промысел, в котором им счастье не благоприятствовало. В сем году отправлен был из Нижнекамчатска тотемским купцом Пановым галиот, именованный *Св. Георгием*. Возвращение оного последовало через два года, но вывезенные меха удивят читателя: они состояли в 1 388 котках и 183 голубых песцах.

1787. В сем году отправлен был вышеупомянутый гальот *Георгий*, который, пробыв на островах до 1793 года, возвратился опять с небогатым грузом. Вряд ли вывезенные на оном меха окупили издержки двоекратного отправления и осмилетнего содержания судна сего...

Окончив хронологическую историю сию, считаю за нужное упомянуть, что, по мнению моему, недостает здесь по крайней мере известий о плавании десяти судов, а особенно в последних годах. Невнимание к предмету сему виною, что при всех стараниях моих не мог я отыскать ни малейших подробностей, до оных касающихся. Еще прискорбно мне, что о обширных планах и действиях Лебедевской компании не мог я получить обстоятельных известий.

Акт высочайше дарованным Российско-Американской компании привилегиям в 1799 году положил преграду всем малым компаниям, кои не пожелали присоединить капиталов своих к Шелехову и Голикову, а посему и Лебедев-Ласточкин, отрекшийся от участия с ними, должен был оставить предприятия свои. Он имел уже в сие время порядочное обзаведение в Чугатской губе и простер так далеко планы свои, что отправлял даже одну артель во внутренности Америки. Я разговаривал многократно с храбрым промышленником Василием Ивановым, предводителем артели сей. В пути пробыв он от Рождества до Св. Пасхи, прошел, по его счету, более 500 верст, видел множество рек и озер, изобильных рыбою; встречал до 10 разноразличных племен, но не приметил нигде селения, заключавшего в себе более 200 человек.

Он толковал мне очень много о реке *Тунте*, шириною от 6 до 4 верст; сказывал, что по оной, как слышал, есть более 40 селений, но не умел порядочно объяснить, где она находилась. По 25-дневном путешествии прибыл Иванов к оной и, как думает, шел во все сие время более к северу, нежели к востоку.

Как известно, что Иванов отправился в путь сей с озера Ильмяны, на западном берегу Кунайской губы лежащего, и возвратился туда же, то и впадает, может быть, река Тунта в Камышацкую губу, названную Куком Bristol Bay.

Надобно также сожалеть, что я не имел случая получить журналы судов Пановской компании. Предприимчивые люди сии имели также большие заведения и отправляли суда свои на острова Св. Матфея и Св. Лаврентия. Почтенный Евстратий Иванович Деларов, бывший впоследствии директо-

ром Российско-Американской компании, служил долго у Пановых и, как мне сам рассказывал, совершил более 10 путешествий к островам, Камчатке и Охотску без всяких познаний о науке мореплавания. Компас и твердая память при виде берегов были его руководителями.

Признаюсь, что всю статью сию писал я с особенным удовольствием; ибо она изображает решительную предприимчивость почтенных соотечественников наших, коим заменяли недостаток познаний отважностью и непоколебимую твердостью духа...

Известие о меховой торговле, производимой россиянами при островах Курильских, Алеутских и северо-западном берегу Америки

Россия из всех европейских государств изобилует особенно мягкой рухлядью. Звериные шкуры и даже части шкур обращались в оной долгое время вместо монеты. Примером служат нам новгородские *гривны, ушки и полушки*. Во всех Уставных грамотах положены пени и награды мягкой же рухлядью; даже жалованье производили должностным людям звериными шкурами, и когда в 1595 году отправлен был в Вену посланником Михаил Иванович Вельяминов, то с ним отпущено было, как сказано в 3-м томе древней российской виблиофики, «в запас и на приказной расход и раздачу»: 1 009 сороков соболей ценою в 28 097 руб., 510 сороков куниц — 5 190 руб., 337 235 белок — 6 190 руб., 3 000 черных бобров — 2 908 руб., 120 лисиц черных и чернобурых — 565 руб., 1 000 волков — 530 руб., 75 лосин — 75 руб. Итого на 44 720 руб.

По самым дешевым ценам стоил бы сей товар ныне полтора миллиона рублей; следовательно, мягкая рухлядь теперь в тридцать раз дороже.

Храбрые козаки, простирая завоевания свои к востоку, облагали ясаком все вновь покоряемые племена, и мягкая рухлядь лилась из Сибири в Москву рекою. Покорение Камчатки и первых Курильских островов познакомило завоевателей с новыми и вовсе неизвестными им породами животных: они обрели там морских коров, кои огромностию своею привели их в удивление; ибо некоторые, быв длиною в 12 аршин, весили более пятисот пудов! Вместе с морскими коровами нашли они сивучей или морских львов, морских котиков и морских бобров. Последние, отличаясь красотою, мягкостию и пухообразностью своей шерсти пред всеми прочими животными, стали вдруг продаваться высокою ценою. За морского бобра платили в Якутске 10 рублей, а китайцам променивали оных в 60 и 90 рублей. Упомянутые выше 3 000 черных бобров были бобры речные, ибо морские до покорения Камчатки не были россиянам известны.

В 1741 году возвратился от северо-западных берегов Америки в Камчатку капитан Чириков. На судне его вывезено было 900 бобровых шкур. Мы виде-

ли выше, с какою ревностью принялись купцы, посещавшие Камчатку, за промысел сей, и как они в течение сорока лет простерли путь свой по гряде Алеутских островов и начали водворяться на северо-западных берегах Америки.

Главнейший промысел с ближних Алеутских островов состоял из морских бобров и морских котиков. С Лисьих островов вывезено было множество лисиц разных шерстей, и хотя оне приносили значительные выгоды продавцам, но были гораздо хуже добротой, нежели лисицы камчатские и сибирские; ибо шерсть всех островских лисиц очень тверда и скоро ломается. Особенное замечание заслуживает то, что теперь шерсть островских лисиц гораздо нежнее, нежели двадцать лет тому назад.

Ежели бы морские бобры, сивучи и коты не отплывали далее к востоку, то, вероятно, что все вышеупомянутые мореплаватели не простерли бы так далеко пути своего. Животные сии, усмотрев, что новые пришельцы начали нападать на них с неимоверной жестокостию, оставили отечественные берега свои и удалились в другие безопаснейшие места. Хотя жители островов, при коих они обитали, также занимались ловлею их; но поелику потребности малочисленного народа сего были невелики, то они удовлетворяли оным нечувствительным образом.

Любопытно взглянуть, как преследовали морских бобров от берегов Камчатки до Калифорнии.

Завоеватели Камчатки нашли на восточном берегу и ближних Курильских островах множество морских бобров, но поелику животных сих, одаренных превосходным смыслом, начали весьма сильно преследовать, то они вдруг оставили камчатские берега, и в 1750 году не плавал уже ни один бобр около берегов сего полуострова. На Курильских островах держались они гораздо долее: Иван Кириллов, посадский города Якутска, обогатился, промышляя там лисиц и бобров в 1743—1750 годах.

Якутские купцы Захаровы получили также значительную прибыль от Курильских островов около 1770 года. В 1775 году обратил особенное внимание на Курильские острова якутский купец Лебедев-Ласточкин: все прежние промышленники плавали туда на байдарках и не простирали пути своего далее седьмого острова; но Лебедев, построив мореходный бот, отправил оный туда под команду сибирского дворянина Антипина, знавшего японский язык. Первое покушение сие не имело счастливого успеха: Антипин достиг до осмнадцатого Курильского острова и в шторм разбил бот свой. На следующий год возвратился он на байдарках в Камчатку со всею командою, хотя занимался промыслом целый год, но вывез только 180 морских бобров, 190 котиков, 60 чернобурых лисиц, 30 сиводушек и 240 голубых песцов.

В 1777 году присоединил к Лебедеву-Ласточкину капитал свой известный Григорий Иванович Шелехов. Общим иждивением построили они гурор и, поручив оный в команду искусному штурману Петушкову, отправили

его к Курильским островам. Петушков, прибыв к осьмнадцатому острову, расположился там зимовать, и был так счастлив, что в течение десятидневного пребывания на острове сем промыслил и купил 970 морских бобров, 45 чернобурых лисиц, 70 сиводушек и 195 голубых песцов.

Прибыточный груз сей побудил Лебедева и Шелехова отправить гукор свой в том же 1776 году опять к Курильским островам. Гукор прибыл благополучно к осьмнадцатому острову в начале октября, и начальник оногo, дворянин Антипин, расположился провести здесь зиму. Неуспешный промысел и сношения с японцами, к коим Антипин ездил на байдаре к острову Матмая в гавань Аткис, были причиною, что он счел за нужное остаться здесь еще на одну зиму.

Января 8 года 1780 сделалось жестокое землетрясение; море поднялось так высоко, что гукор, стоявший в гавани, отнесло в середину острова. Антипин, не имея способов стянуть судно свое на воду, решился плыть к Камчатке на байдарах и прибыл туда благополучно в июне 1780 года. Весь двухгодовой промысел состоял только из 20 бобров, 60 лисиц и 40 песцов. От сего времени перестали промышленники ездить к Курильским островам; ибо сборщики, плававшие туда ежегодно, достали сведение, что после помянутого землетрясения бобры перевелись совершенно.

Сношения Антипина с японцами и пребывание поручика Лаксмана на острове Матмае в 1790 году подали почтенному Шелехову мысль сблизится с сим подозрительным и в тоже время богатым народом. Шелехов отправил в 1795 году на XVIII остров Уруп партию, состоявшую из тридцати промышленников с женами и детьми. Люди сии состояли под начальством иркутского мещанина Василия Звездочетова, коему приказано было обратить особенное внимание на сельское хозяйство и приняться за промыслы тогда, когда каждый поселянин будет иметь дом, огород и небольшую пашню.

Ежели бы Шелехов прожил еще десять лет, то, вероятно, имели бы мы теперь на острове Уруп колонию изо ста душ, которая, независимо от Сибири, могла бы не только довольствоваться себя, но, вероятно, уделяла бы еще избытки свои Охотску и Камчатке; но как почтенный муж сей окончил полезную жизнь свою в июне того же 1795 года, то новое заселение сие и осталось без всякого надзора.

Звездочетов не умел содержать поселенцев сих в повиновении; он начал употреблять против них строгости: на третий год четырнадцать лучших поселенцев от него бежало в Камчатку. Оставшиеся при нем, не получая из Охотска ничего нужного для поддержания разных необходимых потребностей, впали в болезни. В 1805 году выехало их на Камчатку только семь человек; остальные же вместе с начальником своим окончили жизнь на острове Урупе. Таким-то печальным образом рушилась шелеховская колония, которая могла бы быть весьма полезною восточным пределам Сибири.

Камчатские, а особенно курильские бобры отличались длинной и черною шерстью с ребровидною осью. Алеутские и американские бобры никак не могут равняться с оными в доброте.

Когда адъюнкты Штеллер, сопутник знаменитого Беринга, зимовал на Беринговом острове (1741), то морских бобров и песцов находилось там чрезвычайно много. Он один вывез в Камчатку более 600 бобровых шкур. Из вышеприведенных известий о промыслах каждого судна видно, что с 1760 года должны уже были промышленники плавать за бобрами гораздо далее к востоку. Через двадцать лет приблизились они к берегам Америки и вскоре после сего проникли в Кенайский залив и Чугатскую губу.

Бобровые промышленники добывали весьма легко мягкую рухлядь по всей гряде Алеутских островов. Миролюбие жителей и местное положение оных благоприятствовали их намерениям. При северо-западных же берегах Америки встретили они противное: народ был немиролюбив, мягкую рухлядь гораздо труднее было скупать, и надобно было ездить за оною по разным весьма отдаленным жилищам. Затруднения сии были причиною, что около 1795 года остались только три компании: шелеховская, киселевская и лебедевская. Первая водворилась на острове Кадьяке с 1783 года, вторая производила промыслы свои по всей гряде Алеутских островов, а последняя имела три заселения на матером берегу Америки, в Чугатской губе.

Всеми вышеупомянутыми судами вывезено было следующее количество мягкой рухляди: морских котов — 417 758, песцов — 62 361, лисиц красных — 16 478, лисиц сиводушек — 15 147, лисиц чернобурых — 10 421, выдр — 1 679, кости моржовой — 772 пуда, хвостов бобровых — 58 618, бобров морских — 98 548, усов китовых — 977, речных бобров около 3 000.

В 1798 году составила нынешняя Российско-Американская компания, а в 1799 году последовал акт высочайше дарованным ей привилегиям на двадцать лет.

В вышеприведенных известиях не сказано ничего о занятии Шелеховым острова Кадьяка. Предприятие сие относится к истории российских колоний; но здесь, обозревая успехи россиян в торговле мягкой рухлядью, надобно кратко о сем упомянуть.

Рыльский купец Г. И. Шелехов, капитан М. С. Голиков и курский купец И. Л. Голиков, имевшие участие в прежних компаниях, решились составить новую и занять остров Кадьяк, где, по сведениям, доставленным мещанином Глотовым и подштурманом Очерединым, можно было ожидать весьма богатого промысла. В 1781 году заключили они между собою контракт, чтобы построить при Охотском порте два галиота и на оных следовать самому Шелехову к берегам Аляски и занять находящиеся там острова. Складственный капитал их состоял из следующей суммы: М. С. Голикова 20 000 р., И. Л. Голикова 30 000 р., Шелехова 15 000 р., да калужского купца Юдина 1 500 р. Всего 66 500 р.

Предприимчивый Шелехов, прибыв в Охотск, заложил при реке Уроке три судна и 16 августа 1783 отправился с оными в море. Суда сии именовались: 1. *Трех Святителей*, под командою подштурмана Герасима Измайлова, на коем находился сам Шелехов. 2. *Святого Симеона Богоприимца* и 3. *Святого Михаила* под командою подштурмана Василия Олесова. Шелехов, прибыв с двумя судами к Беринговому острову, остался там зимовать. В августе 1784 года достиг он благополучно до острова Кадыяка.

Плавание галиота *Святого Михаила* весьма достопамятно по неукладности Олесова и своевольству промышленников: он плыл 99 дней из Охотска до острова Кадыяка, тогда как сие плавание можно совершить при неблагоприятных ветрах в 70 дней. Зиму 1783 года провел Олесов на первом Курильском острове, а две последующие зимы на острове Уналашке. Отсюда выходил он двоекратно в море, но возвращался назад; ибо промышленники страшали его бурями и противными ветрами. Когда Шелехов плыл в 1786 году обратно к Охотску, то встретил Олесова близ Кадыяка. Шелехов, покорив немилосердных жителей острова Кадыяка военною рукою, прожил там до мая 1786 года и потом отправился в Охотск. Управление новозаведенной им колониею поручил он енисейскому купцу Самойлову, оставив при нем 120 российских промышленников и два судна, *Михаил* и *Симон*.

Поелику Шелехов в двадцатимесячное пребывание на острове Кадыяке занят был более распоряжениями основать здесь постоянное жилище и установить связи с разными дикими племенами, то вывезенный им промысел был весьма незначителен: он состоял только из 1 111 бобров, 760 хвостов и 1 060 разнородных лисиц.

Шелехов, устроив дела свои в Иркутске, определил известного читателям грека Евстратия Ивановича Деларова главным поверенным основанной им компании и отправил его летом 1787 года на остров Кадыяк. Деларов, прибыв туда, сделал весьма много умных распоряжений: в 1788 году отправил он судно *Трех Святителей* под командою штурманов Измайлова и Бочарова для обозрения или описания северо-западных берегов Америки. Чиновники сии выполнили с похвалою возложенное на них поручение и составили карту описанным им берегам.

Желая усилить промыслы, предприимчивый Деларов основал селение в Кенайской губе и доставил сим распоряжением шелеховской компании великие выгоды. В 1789 году отправил он в Охотск под командою Бочарова судно *Трех Святителей* и выслал на оном следующее количество мехов: бобров 5 500, хвостов 418, выдр 1 385, речных бобров 138 и разнородных лисиц 4 788. Деларов, пробыв на Кадыяке пять лет, выехал оттуда в 1792 году.

К чести сего достойного человека надобно упомянуть, что он был впоследствии несколько лет директором Российско-Американской компании и отличился в звании сем строгостию правил и примерным бескорыстием. Дела-

ров не токмо не употреблял компанейских капиталов на свои обороты, но, напротив, когда около 1804 и 1806 годов компания нуждалась с деньгах и кредита, то он давал векселя собственно на себя. Почтенный муж сей скончался в Санкт-Петербурге в 1806 году.

На место Деларова назначил Шелехов каргопольского купца Александра Андреевича Баранова. Почтенный муж сей, вступив в управление шелеховской колониею, нашел к прискорбию, что в занятых россиянами местах морские бобры перевелись совершенно. В письме его к Шелехову от 1795 года говорит он: «Около Кадьяка и в Кенайской губе вывелись совершенно бобры, а посему и должен я был обратиться со всеми силами в Чугашскую губу, где оных довольно».

Почтенный Баранов построил первый корабль при берегах Америки и выслал оный в 1795 году с значительным грузом в Охотск. В сем же году прибыл туда другой корабль Шелехова *Александр*, который доставил богатый груз с котовых островов, Павла и Георгия.

Недолго водились бобры в Чугатской губе: расторопные алеуты, с коими Баранов ездил ежегодно сам туда, скоро их истребили. Обстоятельство сие заставило его завести новое заселение в Якутате, лежащем при матером берегу Америки в широте 59°45'. Здесь собрал Баранов значительное количество мягкой рухляди, которую и выслал в 1796 году в Охотск на трех судах: *Александр*, *Симеон* и *Феникс*. Груз сих и всех вышеупомянутых судов означен в особенной ведомости.

Усмотрев, что в Якутате вдруг исчезли бобры, должен был Баранов помышлять о новом заселении. Обозрев лично северную часть американских берегов, избрал он для сего Ситхинский залив, или Norfolk Sound, где и основал в 1799 году крепость Архангела Михаила. Место сие обещало великие выгоды для промысла, ибо находилось близ множества островов, названных адмиралом Дефонше *Архипелагом Святого Лазаря*. Здесь, как предполагать можно было, имели бобры гораздо покойнейшее жилище, нежели при матером берегу Америки, где от мыса Святого Илии вплоть до залива Святого Креста нет ни островов, ни заливов. Начальные успехи сего нового заведения были весьма благоприятны: читатели усмотрят с удивлением, что одних морских бобров вывезено было в 1803 году с лишком 20 000 шкур.

В 1802 году истреблено было селение сие дикими американцами, и при сем несчастном случае погибло около ста человек алеутов, двадцать россиян и пропало 2 700 бобровых шкур. Можно легко вообразить, коль прискорбно было почтенному Баранову злополучное происшествие сие, и как он встревожился, узнав, что дикие американцы сделали заговор истребить и Якутат. Собрав все свои силы, поехал Баранов в 1803 году туда из Кадьяка, усилил гарнизон, умножил артиллерию, заложил два судна и назначил, что летом 1804 года отправится он в Ситху, отмстит смерть своих подчиненных и зало-

жит новую крепость. Прибыв в августе 1804 года в Ситху, усмотрел он с радостью, что там стоит корабль *Нева*, прибывший из Санкт-Петербурга.

Соединенными силами исполнил Баранов предприятие свое и, овладев не без сопротивления местом, основал крепость и назвал оную *Новоархангельский порт*. Надобно уведомить читателя, что когда план крепости Святого Михаила представлен был блаженной памяти государю императору Павлу I, то его величество изволил пожаловать Баранова золотою медалию. В 1803 году произведен он был в чин коллежского советника, а в 1806 году награжден орденом Святой Анны 2-й степени...

В 1810 году усмотрел почтенный Баранов, что бобровый промысел ежегодно уменьшается, а по сему и обратился он к берегам Калифорнии, где, как ему известно было, бобров довольно. Помощник г. Баранова коммерции советник И. А. Кусков, плававший два года к Калифорнии, предложил завести там колонию и, с общего согласия с начальником своим водворился в 1812 году в месте, лежащем в широте 38°33'. Новое селение сие названо было *Росс* и расположено при речке Славянке.

Умными распоряжениями доставил г. Кусков значительные выгоды компании. Он завел связи с католическими монахами и испанскими чиновниками и, производя с ними торговлю, снабжал колонии наши хлебом. В 1815 году привезено было в Охотск на судне *Марии* 20 000 испанских пиастров, плод его торговых сношений. Селение Росс выгодно для компании по многим отношениям, а особенно по климату и отлично добротной почве земли.

Почтенный Александр Андреевич Баранов управлял Российско-Американскими областями до 1818 года и, отправившись в Россию на корабле *Кутузов*, окончил полезную жизнь свою на пути. Ныне занимает место его г. капитан-лейтенант Матвей Иванович Муравьев.

Окинув взором все селения Российско-Американской компании, увидим мы, что она занимает всю гряду Алеутских островов, большой остров Кадьяк и имеет на матером берегу Америки несколько селений, из коих многолюднейшее Новоархангельский порт. Главный предмет ее промысла составляли до сих пор морские бобры; но поелику мы видели, с какими затруднениями преследовали их по всем местам, и что весьма скоро промысел оных гораздо уменьшится, то надобно принять другую и едва ли не гораздо выгоднейшую систему управления: обратить промыслы во внутренность Америки.

Гудсоновская компания, существующая более двух столетий, может нам служить примером. Она имеет около двадцати разных заселений во внутренности Америки и, производя торговлю со всеми дикими племенами, скупает неизмеримо великое множество речных бобров и выдр...

Компания сия имела еще опасную соперницу: Северо-западную меховую компанию, которая весьма много вредила ее выгодам. С 1822 года обе компании сии соединились и, вероятно, распространят теперь гораздо далее

круг своих действий, то есть вступят даже в торговые связи с дикими американцами, близ Великого океана обитающими. Что одна из сих компаний распространила очень далеко промыслы свои, тому имеем мы доказательство: в 1818 году служитель Российско-Американской компании, посланный на Медную реку, выменял у тамошних жителей несколько медных гиней и английского бисеру.

Российско-Американская компания может еще до сих пор получать значительные выгоды от колоний своих. По самому верному и не увеличенному счету добудет она ежегодно: морских котиков 30 000 на сумму 450 000 руб., морских бобров 600 на 240 000 руб., хвостов бобровых 500 на 10 000 руб., разнородных лисиц 4 000 на 180 000 руб., песцов голубых 1 000 на 15 000 руб., речных бобров 10 000 на 400 000, выдр 3 000 на 120 000, медведей 500 на 35 000, соболей, норок, выхухолей, рысей и росомах на 55 000 руб., моржовой кости, бобровой струи и китовых усов на 52 000 руб. Всего на 1 562 000 руб.

Поелику ежегодное содержание Главного правления, всех контор и колоний требует около миллиона рублей расходов, то остающиеся за сим 562 000 рублей доставят значительные выгоды акционерам. Всех акций считается ныне 7 485, следственно в двухгодовой раздел придет на каждую акцию около 170 рублей прибыли. Но надобно заметить, что выгоды сии получит она тогда, когда обратит промыслы свои во внутренности Америки. Замечательно также, что в вышеприведенном исчислении мягкой рухляди положено самое ограниченное количество; впрочем, могут быть счастливые годы, когда помянутые промыслы увеличатся вдвое и даже втрое.

Бывали примеры, что к гряде Алеутских островов приносило от юга и севера большие табуны морских бобров. В 1805 году прибыло к южным берегам острова Умнака множество морских бобров, имевших на брюхе красноватую шерсть, то есть совершенно отличной породы от всех прежде промышленных. Поелику подобные приходы случались несколько раз, то и надобно заключить, что к югу от острова Умнака должен быть неизвестный остров; ибо бобры не могут пробыть долгое время в море.

Иностранцы приняли также значительное участие в торговле мягкой рухлядью при северо-западных берегах Америки. По кончине бессмертного Кука прибыли корабли его в исходе 1779 года в Макао. На оных находилось несколько шкур морских бобров, кои и проданы были китайцам по весьма высоким ценам. Распространившиеся тогда же слухи, что меха сии собраны при берегах Америки, возбудили внимание купцов, пребывавших в Макао, и поселили в них желание воспользоваться скорее сею новою отраслью весьма прибыточной торговли.

В 1785 году отправился на промысел сей из города Макао первый корабль. Это был бриг *Морской бобр* в 60 тоннов, имевший 30 человек экипажу и находившийся под командою английского корабельщика Жамеса Ханна

(Hanna). Ханна вступил в море в марте и направил путь свой в Нушку или Зунд Короля Георга (Georges Sound), где, как сопутники Кука рассказали, можно легко собрать значительное количество мехов. Он прибыл туда в августе и, скупив в течение пяти недель 560 шкур морских бобров, отправился в обратный путь и пришел в декабре в Макао.

Собранные им шкуры морских бобров проданы были в Кантоне в марте 1786 года по следующим ценам: первого разбора 140 шкур по 60 пиастров, второго разбора 175 шкур по 45 пиастров, третьего разбора 80 шкур по 30 пиастров. Остальные 165 за 1 925 пиастров, то есть за 560 бобров получено было 20 600 пиастров.

Покойный Шелехов, узнав, что принадлежащие нам берега Америки посещаются иностранцами, жаловался на сие в 1787 году генерал-губернатору Якобию следующими словами: «Во время бытия моего прошлого года в Августе месяце в Петропавловской гавани, узнал я от Индийской компании Виллияма Питерса, что их компании 1785 года был корабль в наших границах по берегу северо-восточной Америки в широте 50°, торговались с дозволения ли Российской державы или нет, мне неизвестно, и в самое короткое время, по их объявлению, 800 с лишком бобров получили, сверх немалого количества земляных зверей. Не удовольствуясь же сим, в 1786 году туда еще пять кораблей отправили, из чего предусматривается, что Российскаго престола подданным принадлежащая великия выгоды присвоить стараются других наций народы, не имея ни смежности в земле, и ни малейшаго права на сие море».

Правивший должность Иркутского и Колыванского генерал-губернатора генерал-поручик Иван Варфоломеевич Якобий донес блаженной памяти государыне императрице Екатерине II, что непременно нужно оградить принадлежащие нам берега Америки военными судами и не допускать иностранцев подрывать нашу меховую торговлю. Вследствие представления сего повелела мудрая монархиня приготовить пять военных судов, кои под начальством капитана бригадирского ранга Муловского должны были отправиться летом 1788 года в путь. Полагают, что война с Швециею остановила сие предприятие.

Прибыточное плавание корабельщика Ханны побудило хозяев отправить его вторично к тем же берегам; но предприятие сие было неудачнее первого: он собрал только 100 бобровых шкур, кои проданы были за 5 000 пиастров.

Английские купцы, пребывавшие в Бенгале и Бомбае, узнав, сколь прибыльно было предприятие товарищей их, живших в Макао, отправили также три судна к северо-западным берегам Америки.

В январе 1786 года отплыли из Бомбая две шкуны, кои, возвратясь чрез девять месяцев, доставили 600 бобровых шкур. Китайцы купили оныя гуртом за 24 тысячи пиастров.

Шкуна, отправленная из Бенгала, возвратилась также благополучно, и хотя командовавший оною лейтенант Мирс (Meares) собрал только 357 бобровых шкур, но продал оныя по весьма выгодным ценам: первый разбор по 90, второй — по 70, а третий — по 50 пиастров за шкуру. Хвосты бобровые проданы были кругом по два пиастра за хвост. *Замечательно*, что Мирс собрал отличные бобровые шкуры сии в Чугатской губе, где уже тогда были три русские селения.

Можно сказать, что не токмо Азия, но и Европа обратила вдруг взоры свои на мягкую рухлядь северо-западных берегов Америки. В 1785, 86 и 87 годах отправились туда корабли из Фландрии, Франции, Англии и Калифорнии. В кратких словах упомяну я, сколько бобровых шкур привезено было каждым кораблем в Кантон.

В 1787 году прибыл туда несчастный Лаперуз: на кораблях его находилось 600 бобров весьма низкой доброты, кои проданы были за 10 000 пиастров.

В том же году продал капитан Берклей, вышедший в 1785 году из Остенда, 800 бобровых шкур за 30 000 пиастров.

В том же году привезено было 1 000 бобровых шкур из Калифорнии, кои проданы за 32 000 пиастров.

Значительное стечение сие бобровых шкур в Кантоне было причиною, что капитаны Портлок и Диксон, прибывшие туда в следующем 1788 году, продали с великим затруднением бобров своих с небольшим по 20 пиастров за шкуру. Итак, считая те 20 бобровых шкур, кои капитан Кинг продал в 1779 году за 800 пиастров, выходит, что по 1 января 1788 года продано было в Кантоне 6 643 бобровых шкуры без малого за 200 000 пиастров. Поелику корабельщики, приходя в Кантон, не имели права продавать товаров своих сами, а должны были делать сие чрез агентов английской Ост-Индской компании, то они вскоре и отстали от сей промышленности. Купцы других держав имели пред ними еще и то преимущество, что ежели бы они и продали мягкую рухлядь свою по невыгодным ценам, за то получали 100 процентов ба-рыша от китайских товаров, коих английские подданные на основании привилегий, дарованных Ост-Индской компании, покупать не смеют.

Впрочем, английские купцы делали иногда подрыв Ост-Индской компании: они посылали в Кантон — куда все европейские суда свободно приходить могут — корабли свои под флагами чужих держав, как-то: австрийскими, гамбургскими, бременскими, рагузскими и прочими. Вышеупомянутый капитан Берклей, вышедший из Остенда под австрийским флагом, был также природный англичанин.

Место англичан заступили при северо-западных берегах Америки граждане Соединенных Американских Штатов. Они обратились к промыслу сему с гораздо большим искусством, нежели предшественники их. Зная, что природные жители берегов сих, по невоздержанности своей, проводят зимние

месяцы в голоде, грузили они корабли свои пшеном, сухарями, мукою и па-токой. Обходя в летние месяцы весь архипелаг, узнавали они, у которого на-рода менее запасов и приходя туда на зиму скупали у них в сие время по весьма выгодным ценам всю мягкую рухлядь.

Купцы города Бостона, имевшие самое большое участие в сем промыс-ле, тешили все прихоти диких обитателей северо-западного берега Америки и, сим средством приобретая от них всю мягкую рухлядь, побуждали их зани-маться единственно звериным промыслом. До прихода иностранцев к бере-гам сим били природные жители только тогда бобров и прочих зверей, когда имели надобность в одежде. Теперь же устремились они с такою жадностию к промыслу сему, что в тех местах, где в 1790 году могли едва собрать сто бобров, покупали уже чрез десять лет тысячу.

Сперва привозили бостонцы к берегам сим фризы, байки, одеяла и капо-ты, потом начали продавать ножи, бритвы, сабли и прочее.

В 1805 году, когда корабли *Надежда* и *Нева* прибыли в Кантон, то надеяли-ся прикащики Российско-Американской компании продать бобров сих, кои были отличной доброты, по крайней мере по 30 пиастров за шкуру; но вместо того получили за каждую только 17, то есть потеряли без малого сто процентов.

В помянутом 1805 году привезено было в Кантон бостонскими корабель-щиками 14 000 бобровых шкур, которые и были виною сего значительного понижения цен. За год пред сим, то есть в 1804 году, купили китайцы 8 200 боб-ровых шкур кругом по 24 пиастра. Сверх сего находилось на корабле *Неве* 130 тысяч шкур морских котов, которых надеялись продать по одному пиаст-ру; но поелику на двух американских кораблях привезено было 90 тысяч шкур сих, то и продались наши только по 75 пиастров за сотню шкур.

В нынешнем 1823 году издал в Париже путешествие свое вокруг света лейтенант французского флота Рокефейль (Roquefeuille). Он также приходил к берегам нашим для покупки мягкой рухляди; но собрал только незначи-тельное количество, не зирая на пособия, оказанные ему капитаном Гаге-мейстером. В 1818 году был лейтенант Рокефейль в Кантоне и продал все бобровые шкуры кругом по 30 пиастров за каждую. В сем числе, говорит он, были большею частию бобры калифорнийские, но за северных бобров (то есть кадыякских и алеутских) платили китайцы охотно по 54 пиастра за шкуру.

Французский офицер сей, обозревая меховую торговлю, в Кантоне производимую, говорит: «В Китай привезено было на разных судах шкур мор-ских бобров: с 1804 по 1808 год — 59 364, с 1808 по 1813 — 46 962, с 1813 по 1815 — 6 200, с 1815 по 1818 — 12 627, в 1818 году — 4 800. Итого 130 425. Всего ценою, полагая каждую бобровую шкуру кругом по 31 пиастру, на 4 043 485 пиастров. В последующие два года, — продолжает он, — вывезе-но в Кантон еще меньше бобровых шкур; но цена была там кругом за каж-дую шкуру по 30 пиастров».

Примечание к ведомостям о вывезенной мягкой рухляди

...Обозрев ведомости мехам, вывезенным разными компаниями от 1743 по 1823 год, выходит, что в течение 80 лет, включая казенный ясак, вывезено следующее количество мягкой рухляди:

- котов морских — 2 324 364;
- бобров морских — 200 893;
- хвостов бобровых — 143 689;
- голубых песцов — 108 865;
- лисиц красных — 57 638;
- речных бобров — 58 729;
- лисиц сиводушек — 44 904;
- лисиц чернобурых — 30 158;
- выдр — 22 807;
- соболей — 18 121;
- норок — 5 349;
- белых песцов — 5 130;
- зубу моржового — 2 761 пуд.;
- медведей — 2 650;
- усов китовых — 2 988 пудов;
- рысей — 1 819;
- росомах — 1 234.

По ведомости частных компаний выходит, что грузы разных судов их оценены почти в 7 миллионов рублей; но к сему счету надобно еще прибавить 2 миллиона рублей; ибо грузы 7 судов не означены, да можно принять безошибочно, что о десяти судах нет вовсе никаких сведений. Мягкая рухлядь шелеховской компании оценена в полтора миллиона. Грузы кораблей Российско-Американской компании стоят 35 миллионов с половиною. Итак, в течение 20 лет вывезено российскими промышленниками с островов Алеутских и северо-западных берегов Америки мягкой рухляди на 46 миллионов рублей. Из всего количества мехов сих променено более половины китайцам в Кяхте, и казна получила от сего торговых пошлин более десяти миллионов рублей. Сверх сего получила казна — кроме ясака... — значительные выгоды. С каждого груза частных компаний выделяли одну десятую часть в казну, а посему и можно принять безошибочно, что одних только морских бобров поступило в ону от 1745 до 1799 года более 12 000 шкур.

*Василий Берх.
1825. Сентябрь.*